

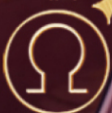
Оксана Пелевина

18+

Презань Юстрадамуса

Тайна последнего предсказания

Лига
Мечтателей

Печать Нострадамуса

Оксана Пелевина

**Печать Нострадамуса. Тайна
последнего предсказания**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пелевина О.

Печать Нострадамуса. Тайна последнего предсказания /
О. Пелевина — «Издательство АСТ», 2023 — (Печать
Нострадамуса)

ISBN 978-5-17-154015-9

Франция конца XVI века. Юная Мадлен Бланкар, внучка знаменитого предсказателя Мишеля Нострадамуса, неожиданно получает весточку от Екатерины Медичи и в качестве фрейлины попадает в водоворот придворной жизни Лувра. Девушке, унаследовавшей дар своего предка, предстоит раскрыть тайны, спрятанные в прошлом её деда, уберечь от гибели последнего представителя династии Валуа, узнать, кто скрывается под маской неуловимого врачевателя чумы, разобраться в своих чувствах к наследнику престола и понять, как спасти себя и мир от жуткого культа, что во имя своего бога убивает молодых девушек по всей Франции.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154015-9

© Пелевина О., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Март 1588 г.	9
Глава 1. Ночные гости	11
Глава 2. Последнее предсказание	19
Глава 3. Фрейлина её величества	29
Глава 4. Тайны ночного сада	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Оксана Пелевина
Печать Нострадамуса. Тайна
последнего предсказания

© Текст. Оксана Пелевина, 2023

© Художник. Елена Лямина, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

ПРОЛОГ

*Aujourd'hui en fleurs,
demains en pleurs.
Сегодня в цветах,
а завтра в слезах.*

Aujourd'hui en fleurs, demains en pleurs.
Сегодня в цветах, а завтра в слезах.

Для крестьянина, чья жизнь проходит в заботах о семье и сохранности подворья, худшим испытанием становится неурожай и следующий за ним голод. Последние несколько зим сильно истощили Францию, вернее, ту её часть, что никогда не купалась в роскоши, а смиренно и тихо коротала свою жизнь вдали от королевских дворцов. Голод и болезни каждый год уносили всё больше и больше жизней. Страдали все, от стариков до беспомощных младенцев, но сильные мира сего старались не замечать чужих горестей. Королевские думы были далеки от судеб простого народа, что день за днём вёл неустанную борьбу за своё существование.

Весна 1588 года подарила Франции новую надежду. Снег, наконец сошедший с полей, открыл чёрную землю, оголив будущие пашни. Взявшись за плуги, крестьяне потянулись в поля. Измотанные, обессиленные, но сумевшие пережить минувшую зиму мужчины взялись за дело, надеясь, что в этом году их труды окупятся и подарят богатый урожай.

Солнце клонилось к закату, когда двое уставших мужчин, подхватив инструменты, побрели в сторону дома. Серые тяжёлые тучи заволакивали небо, холодало от резких порывов ветра, под ногами громко чавкала грязь, так и не высохшая с прошлой ночи под ещё слабо греющим солнцем.

– Видать, дождь пойдёт, землю размочит почем зря, – шмыгнув носом, худощавый невысокий мужичок утёр лицо рукавом грязной рубахи. – Тогда вся пашня потопнет. Коль так пойдёт, опять без хлеба останемся.

– Тьфу ты, не наговаривай, дубина, – одёрнул соседа суровый крестьянин с широкими, вечно сведёнными бровями.

– А что я-то? Ты лучше на небо погляди – мрачно да серо. Ещё и вороны кружат, будто насмехаясь над нами.

Словно подтверждая его слова, над мужчинами пролетело несколько чёрных птиц. Громко крича, они сделали круг над полем и сели на влажную землю, почти слившись с ней.

– Дьявольские птицы – беду кличут.

– Да что ты заладил, ничего на уме нет, кроме напастей всяких.

– А чему тут удивляться? Говорят, мы все прокляты, оттого и житьё у нас нестерпимое стало.

– Кто тебе таких глупостей наговорил?

– Бабы у церкви...

– А ты поменьше их слушай, они ещё и не такого порасскажут.

– Ладно бы только бабы, так ещё и торговцы проезжие говорят. Слышал, во Франции душегуб завелся? Девоч молодых жизни лишает. Уж скольких нашли, а его изловить не могут. Не иначе, нелюдь это, быть может, сам дьявол! Оттого мы и прокляты, что позволили землю свою чертям проклятым кровью окропить.

– Про девочек слышал, а остальное ерунда всё, домыслы.

– А в соседней деревне поговаривают, что война будет. Протестанты, еретики безбожные, на трон короля нашего глаз положили.

– Протестанты? Ты слов-то таких где понабрался, дурень? О войне и думать нечего, хлеб сеять пора. А над всем остальным пусть король голову ломает, раз о простом люде забыл.

Налетел ветер, и мужики, поёжившись, втянули головы в плечи. Над одиноким, старым, сгнившим за зиму стогом сена, забытым ещё с осени, вспорхнула стая чёрных птиц. Крестьяне, покрепче сжав в руках плуги, медленно обошли старый сноп. И вдруг встали как вкопанные.

– Матерь Божья, что ж такое...

Перекрестившись, мужики испуганными глазами глядели на мокрую чёрную землю. Там, прислонившись спиной к грязному сену, лежала бледная холодная девушка с открытыми стеклянными глазами, что казались мутными, словно лужи в этой местности. Её руки были раскинуты в стороны, а некогда светлые, аккуратно собранные, длинные волосы растрепались, взлохматились, пропитались грязью и кровью. Одежда на ней была изорвана и запачкана запёкшейся кровью. Её пронзённое сердце не билось, кажется, с прошлой ночи, и вороны начали над ней свою расправу. Девушка была мертва.

Март 1588 г.

Chacun porte sa croix en ce monde.
Каждый несёт свой крест.

Глава I. Ночные гости

*Qui cherche, trouve.
Кто ищет, найдёт.*

Деревенька Жарден Флюрьи, уютно расположившаяся недалеко от Парижа, долгое время жила просто и размеренно. Но всё изменилось несколько месяцев назад, когда в старом доме на окраине поселилась одинокая девушка. Теперь не проходило и дня, чтобы местные сплетницы не придумывали новых небылиц, связанных с её именем. Девятнадцатилетняя Мадлен Бланкар действительно сильно отличалась от остальных жительниц Жарден Флюрьи. Она жила тихо, уединённо. Не водила дружбы с соседями, не держала скотины. С первыми лучами солнца не спешила на пашню или огород, не подыскивала себе мужа и часто с зажжённой свечой засиживалась у окна до середины ночи. Бдительные соседки прознали, что свободное время девушка часто проводит в лесу, собирая травы и корни. А потому к Мадлен быстро и прочно прикрепилась слава местной ведьмы. Молодые крестьянки опасались встречаться с ней взглядом, ожидая внезапной порчи, замужние дамы зло шикали на мужей, случайно взглянувших в сторону Мадлен. Днём вся деревня будто сторонилась юной девушки, всеми силами показывая, что она здесь лишняя. Но стоило солнцу скрыться за горизонтом, как к дому названной ведьмы начинали украдкой бегать те, кто несколькими часами ранее перемывал ей кости. Кто-то слёзно умолял девушку приготовить мазь для больного ребенка, кто-то просил настойку от бесплодия, некоторые готовы были щедро заплатить за приворот, а кто-то пытался выпытать предсказание на грядущий год.

Кому-то удавалось получить помощь юной травницы, а кто-то, разворачиваясь, уходил ни с чем. Но что бы ни утверждала злая молва, ведьмой Мадлен не была.

Мадемуазель Бланкар уже привыкла выделяться из толпы. Когда ей исполнилось пять, девочка, случайно коснувшись ручкой пожилой леди, что жила по соседству, в подробностях рассказала этой женщине, как через три дня она упадёт с лестницы, сломает себе обе ноги, а вскоре отдаст Богу душу. Когда через пару недель несчастную соседку предали земле, о Мадлен в деревне пошла дурная слава. Родители запретили детям приближаться к странной девочке, старики начали шептаться о проклятии. Возможно, Мадлен и сама поверила бы в эти

слухи, если бы однажды мать, утешая дочь, не рассказала ей о своём отце. Тогда девчушка и узнала, что картинки, рождающиеся в её голове, – это дар предвидения, доставшийся ей в наследство от деда – Мишеля Нострадамуса.

В семнадцать лет девушка решила покинуть семью, дабы избавиться её от косых взглядов соседей. Мадлен перебралась в деревушку по соседству, прожила в ней несколько месяцев, но и здесь её настигли слухи о ведьмовстве. Бросив новый дом, мадемуазель Бланкар вновь пустилась в путь. Она переезжала с места на место, но людская молва не стоит на месте, поэтому нигде толком девушка задержаться не могла. Мадлен сменила ещё пару поселений, прежде чем судьба занесла её в Жарден Флюрьи.

Сегодняшний день, как и многие другие, Мадлен провела на лоне природы. Блуждая с плетёной корзинкой по узким нелюдимым тропам, девушка выискивала целебные травы, которым позже было суждено попасть в мази, микстуры и настойки. Она прыгала по стволам упавших деревьев, собирала осоку, слушала, как поют птицы в этой части леса, и погружалась в свои мысли. В деревню Мадлен вернулась на закате, поймав на себе несколько недовольных взглядов.

В небольшом старом доме пахло мятой и полынью. Под потолком висели пучки всевозможных трав, перевязанные тонкими лентами. На широком деревянном столе ютились ступки и склянки с цветными жидкостями. Но главной своей ценностью мадемуазель Бланкар считала скромную полочку, забитую пергаментами и книгами. Девушка с детства была обучена грамоте и с особым удовольствием тянулась к науке. Но Мадлен, как и любой другой женщине, двери в университеты были закрыты, а потому девушка искала способы самостоятельно добывать необходимые знания. Мадлен с упоением читала трактаты по анатомии и хирургии, любила естественную историю и астрономию, а также не избегала книг о мистике и алхимии.

Закончив перебирать принесённые из леса травы, девушка поправила выбившуюся из причёски прядь тёмных волос и зажгла свечу. Устроившись у окна, она принялась за чтение. Погрузившись в подробное описание человеческих органов, Мадлен не заметила, как, зевнув, начала засыпать. Из полусна девушку вывел громкий хлопок. Вскочив на ноги, Мадлен испуганно бросилась проверять засов. Неужели забыла запереть дверь? Но засов оказался на месте. Что же это было? За окном мелькнул тёмный силуэт, и по стене, в пламени одинокой свечи, пробежала тень. На миг девушке показалось, что на неё надвигается высокий человек в шляпе и с клювом вместо лица. Мадлен сделала шаг назад, прижавшись спиной к двери. «Тень, просто неясная причудливая тень...» – успокаивала она себя. Резкий порыв ветра влетел в приоткрытое окно, задув единственную свечу. В доме стало темно, и вновь раздался громкий хлопок. Чуть не подпрыгнув на месте от неожиданности, девушка наконец поняла: «Это всего лишь сквозняк. Ветер швыряет оконные ставни. А я уж надумала себе всякого». Стоя у двери, Мадлен услышала тихие шаги снаружи. Спустя несколько мгновений кто-то робко постучал. Привыкшая к ночным вторжениям, девушка открыла дверь. На пороге стояла взрослая, неестественно сгорбленная женщина с заплаканным лицом, облачённая в простое чёрное платье. Мадлен мельком взглянула на гостью и узнала в ней мадам Лоран, жившую на другом конце деревни.

Несколько дней назад Жарден Флюрьи всколыхнула жуткая весть – в полях за деревней крестьяне обнаружили тело юной Виолетты, дочери мадам Лоран. Убитую девушку похоронили быстро, чтобы не тревожить местных жителей этим страшным происшествием. Тем не менее по деревне поползли слухи о кончине Виолетты. Находились те, кто обвинял во всём банды разбойников, засевших на лесных дорогах. Но чаще всего шептались о таинственном душегубе, явившемся на землю из самого ада. По словам заезжих торговцев, его жертвами стали уже несколько молодых девушек в разных концах Франции.

Мадам Лоран, узнав о гибели дочери, долго не могла прийти в себя. За несколько дней она резко постарела, осунулась, а кто-то утверждал, что и вовсе лишилась рассудка. Сейчас на Мадлен смотрели потухшие глаза несчастной матери, потерявшей единственного ребенка. С трудом разомкнув сухие губы, женщина тихо прошептала:

– Помоги...

Не в силах отказать, Мадлен отошла в сторону, пропуская женщину внутрь дома. Остановившись на пороге, мадам Лоран обвела взглядом скромное жилище мадемуазель Бланкар и вновь обернулась на девушку.

– Все говорят, что ты ведьма. Господь, быть может, покарает меня за эту просьбу, но я уже наказана судьбой, и меня ничего не страшит.

Мадлен, в очередной раз услышав, как её назвали ведьмой, обречённо вздохнула.

– Я не имею отношения к магии и колдовству, мадам Лоран. Вас ввели в заблуждение местные сплетни. Но если я могу чем-то вам помочь...

– Можешь!

Женщина, резко шагнув вперед, схватила Мадлен за руку. Девушка вздрогнула, не ожидая от несчастной такой прыти. Глаза мадам Лоран изменились, расширились, залившись нездоровым безумным блеском.

– Тот, кто посягнул на жизнь моей Виолетты, убил не просто её тело, он украл её душу! Теперь моя дочь не найдёт покоя и будет вечно блуждать во тьме. Я боюсь, боюсь...

– Чего вы боитесь?

– Что моя Виолетта обернется злым духом, упырьём... и станет блуждать по земле, пожирая невинные души.

Мадлен попыталась успокоить несчастную мать, заверяя, что все рассказы о мертвецах, встающих из могил, не более чем сказки. Но та словно не слышала её и продолжала шептать:

– Она не станет лежать в земле. Я видела, видела, как дрогнули её веки, когда закрывалась крышка гроба. Я привязала к её руке колокольчик, чтобы она дала мне знак. Но он пока молчит. Почему он молчит?!

Женщина сильнее впиалась пальцами в запястье Мадлен, оставляя на нежной коже заметные следы.

– Умоляю, успокой её душу, даруй ей покой! Ты же можешь?

Мадлен, уже пожалевшая о том, чтопустила женщину в дом, пыталась вырвать руку из крепкой хватки мадам Лоран.

– Мне очень жаль, но я всего лишь травница, знающая, как избавить человека от хвори. Мне неизвестны способы общения с мёртвыми.

Мадам, завыв, упала на колени перед Мадлен. Её руки вцепились в подол девичьего платья.

– Прошу-у-у! Умоля-я-яю!

Не в силах более быть свидетельницей страданий обезумевшей от потери ребёнка женщины, Мадлен выкрикнула:

– Хорошо! Хорошо! Я слышала, что дым белого шалфея изгоняет любую нечистую силу. Я возьму пучок травы и окурю могилу Виолетты.

– Это поможет?!

– Не знаю, но я обещаю сделать это. Как только встанет солнце, я навещу погост.

– Нет! Будет уже поздно! Прошу, сделай это немедленно.

– Но сейчас ночь.

– Да, время, когда нечистый терзает душу моей Виолетты. Прошу тебя, прошу-у-у.

Мадлен на секунду прикрыла глаза, отругав себя за безотказность, а после кивнула головой.

– Хорошо, только поднимитесь. Я прямо сейчас схожу на кладбище.

Мадам Лоран на мгновение замерла, убеждаясь, что слух не подвел её. Наконец, поверив словам девушки, мадам Лоран поднялась на ноги.

– Благодарю тебя, дитя, благодарю.

Запустив руку в складки юбки, мадам Лоран извлекла оттуда небольшой холщовый мешочек с монетами и протянула его Мадлен.

– Возьми, здесь немного, но...

Покачав головой, девушка мягко оттолкнула от себя дар мадам Лоран.

– Нет, денег я не приму. Если бы вы просили меня приготовить мазь от боли в коленях или микстуру от кашля, я была бы уверена, что справлюсь с этим. То, что я собираюсь сделать, не заслуживает вознаграждения. Это лишь дань уважения вашему горю.

Женщина настаивать не стала и спрятала монеты обратно в складки юбок.

– Вы не пойдёте со мной? – обратилась Мадлен к мадам Лоран, собиравшейся покинуть дом травницы.

– Нет, я не могу, она услышит меня, пойдет за мной...

Кажется, мадам вновь начинала бредить, и Мадлен не стала её удерживать. Когда за мадам Лоран закрылась дверь, девушка, прижавшись спиной к стене, глубоко вдохнула. «И что мне теперь делать? Я дала слово среди ночи посетить могилу Виолетты. Но это же совершенная глупость». В голове промелькнула мысль о том, что можно просто забыть о разговоре с несчастной женщиной и лечь в постель. Но совесть не позволила бы юной мадемуазель Бланкар пренебречь своим обещанием. Отыскав пучок сухого шалфея, девушка накинула на плечи плащ и выскользнула за дверь.

Эта весенняя ночь оказалась пасмурной и ветреной. Луна, скрываясь за облаками, всего на несколько мгновений выглядывала из своей крепости и вновь пряталась за серой дымкой. Кутаясь в плащ, Мадлен обогнула деревню и вышла на узкую тропинку, ведущую к сельскому погосту. Она и раньше ходила по этой дороге вдоль кладбища, пробегая вглубь леса. Но то было днём, когда солнце освещало каждый участок неровной тропинки, когда мрачные тени не крались по пятам за ночным путником, а ветви деревьев не рисовали во тьме пугающие силуэты. Сейчас каждый новый шаг на пути к кладбищу давался Мадлен с огромным трудом. Когда последний деревенский дом остался далеко позади, девушка услышала, как громко застучало её сердце. Ладонки, сжимавшие пучок шалфея, вспотели, а шаг ускорился. Рассмотрев впереди под сенью тёмных деревьев первые надгробия, девушка вдруг остановилась. Ноги словно отказывались нести её дальше. По спине пробежал неприятный холодок. Поблизости хрустнули ветки кустарника. Резко обернувшись на звук, девушка взглядела в темноту.

– Кто здесь? – тихо, едва слышно спросила Мадлен.

Как она и думала, ответа не последовало. Хруст раздался с другой стороны. Чуть не вскрикнув, девушка вновь обернулась. Звук повторился. Кто-то медленно шёл ей навстречу. От нового шороха сердце Мадлен замерло. Мгновение – и из-за кустарника с тихим уханьем вылетела сова.

«Это птица! До сегодняшней ночи я даже не знала, что такая трусиха». Совладав со своим страхом, девушка двинулась вперёд. Ступив на ночное кладбище, она почувствовала, как её окружила буквально мёртвая тишина. В обители усопших, казалось, не было ни единого звука: не стрекотали сверчки, не каркали вороны. Пробираясь меж старых могил, девушка направлялась к восточному краю погоста, туда, где хоронили недавно почивших селян. Мадлен быстро отыскала свежую могилу, в которой покоилась юная Виолетта. Присев рядом, девушка с удивлением обнаружила, что из-под земли на поверхность тянется тонкая веревочка, на конце которой и правда висит колокольчик, о котором говорила мать девушки. «Так, значит, мадам Лоран не врала. Она действительно верит, что её дочь может восстать из мёртвых, и поэтому привязала к её руке верёвку с колокольчиком». Это открытие испугало и одновременно опеча-

лило девушку. Её сердце сжалось от тоски, когда она попыталась представить, что чувствует женщина, лишившаяся дочери. Искренне сочувствуя мадам Лоран, Мадлен положила себе на колени пучок шалфея, достала из маленького мешочка на поясе кресало для высекания искры и аккуратно запалила сухую траву. От шалфея потянулся белый дымок с горьковатым запахом. Держа его в руках, Мадлен начала плавными движениями окуривать могилу Виолетты.

«Надеюсь, вопреки предсказаниям матери, твоя душа обретет покой, и ничто не потревожит твоего вечного сна». Мадлен не знала, нужно ли ей сейчас произносить определенные слова, так же как и не ведала, есть ли практический смысл в том, что она делает в эти минуты. Девушка часто слышала от селян рассказы о мистических существах, о чертях, способных утянуть в ад душу грешника, но сама никогда не верила в них. Даже свой дар Мадлен научилась воспринимать не как сверхъестественное явление, а как способность человека, еще не нашедшую объяснений в трактатах учёных мужей. Запах шалфея уже впитался в волосы и одежду девушки, белый дым плотной завесой окутал надгробие свежей могилы. Мадлен встрепенулась, поёжившись от очередного порыва ветра, и, чтобы не упасть, схватилась рукой за надгробие. В этот момент её тело напряглось, сознание затуманилось, перед глазами разлилась тьма. И лишь спустя несколько долгих мгновений перед внутренним взором проступили яркие силуэты. Лунной ночью, под крик обезумевших воронов по полю бежала светловолосая девушка. Её ноги и подол платья были перепачканы грязью, стопы, чавкая, утопали в чёрной влажной земле. Девушка, чьё бледное измождённое лицо искажил ужас, мчалась к деревне, огни которой мелькали на горизонте. Её волосы растрепал ветер, но она не обращала на них внимания. Страх гнал её вперед. Огибая одинокий стог сена, она вдруг замерла, глаза её расширились, рот приоткрылся в немом крике. Из-за стога вышла фигура, облачённая в чёрные одежды. В руке мелькнул кинжал. Капюшон надёжно скрывал лицо нападавшего, но рука, державшая клинок, оказалась серой и безобразно иссохшей. Незнакомец двинулся на девушку и, схватив несчастную свободной рукой за горло, приподнял её над землей.

– *Par la mort à l'infini*, – скрипучим, лишённым жизни голосом прошипела фигура. Мгновение – и лезвие кинжала целиком вошло в сердце девушки, насквозь пробив его. Несчастная дёрнулась в последний раз, и жизнь навсегда покинула её. Убийца прислонил мёртвое тело к гнилому стогу сена и ненадолго завис над своей жертвой. Когда он выпрямился, отступив на шаг назад, на лбу убитой пылала упавшая на бок восьмёрка, вырезанная кинжалом, – символ бесконечности. Фигура вынула из-под плаща красивые песочные часы и, переломив хрупкое стекло, бросила их подле покойной.

Видение закончилось. Хватая ртом воздух, Мадлен приходила в себя. Когда перед глазами вновь оказалось сельское кладбище, девушка заново прокрутила в голове увиденное.

«Мне показали смерть Виолетты. Зачем... Кем был тот загадочный убийца, неужели это тот самый душегуб, о котором говорит вся Франция? А то, что он прошептал: «*Par la mort à l'infini* – Через смерть к бесконечности», что бы это значило?» Мадлен заметила, как начали дрожать её руки. Картина зверского, бесчеловечного убийства молодой девушки всё еще стояла у неё перед глазами. Зажмурившись, Мадлен попыталась избавиться от настойчивого видения. И вдруг в тишине ночного кладбища раздался тихий звон. Мадлен дёрнулась от неожиданности и опустила взгляд на колокольчик, висевший на могиле Виолетты. В груди когтистой лапой заскреблась тревога. «Наверное, я случайно задела его рукой». Страх, начавший заползать под одежду вместе с холодным ветром, уже не давал девушке сосредоточиться. «Я сделала, что обещала. Пора возвращаться домой». Затувив тлеющий пучок трав, Мадлен положила его на могильный холм, отряхнула руки и вдруг собственными глазами увидела, как дрогнула веревочка, уходящая под землю. Зазвонил колокольчик. Девушка в ужасе вскочила на ноги, не в силах оторвать взгляда от могилы Виолетты. А колокольчик дёрнулся вновь, трель становилась все громче и громче, словно там, под землей, кто-то яростно дёргал верёвку, к которой он был привязан.

«Это не ветер...» – теряя последние крупницы смелости, поняла Мадлен.

Тело сковал страх. С огромным трудом, шаг за шагом девушка начала отступать от могилы, не спуская глаз с проклятого колокольчика. Вдруг такой же звон раздался за спиной Мадлен, а потом сбоку и где-то далеко впереди. С каждой секундой невыносимый, пугающий звон наполнял собой кладбище. Сердце девушки рухнуло. Подхватив подол платья, Мадлен со всех ног бросилась к тропинке, ведущей в деревню. Девушка бежала, не разбирая дороги, петляя между старых крестов, в висках бешено стучала кровь, но ей не удавалось заглушить ужасающий inferнальный звон колокольчика. Остановиться и перевести дыхание девушка решила, лишь оказавшись за пределами кладбища. Обхватив руками ствол ближайшего дерева, Мадлен повернула голову в сторону погоста. Луна на несколько секунд решила показаться из-за облаков. И в этот момент её свет выхватил из темноты одинокую фигуру, стоявшую подле одной из могил. Высокий силуэт был полностью облачён в чёрные одежды, а лицо скрывала маска врачевателя чумы. Мадлен не видела, но знала наверняка, что в эту минуту глаза незнакомца смотрели на неё. Собрав в кулак последние силы, девушка рванула в деревню. Она больше не оборачивалась. Собственные тяжелые вдохи казались ей дыханием незнакомца, идущего следом за ней. Страх полностью захватил юное тело. Мадлен не заметила, как оказалась в деревне, не помнила, как добежала до собственного дома. Лишь захлопнув изнутри тяжёлую дверь и водрузив на неё крепкий засов, девушка смогла отдышаться. Дрожь постепенно покидала тело, сердце начинало биться ровнее, но спокойствие продлилось недолго. В дверь постучали. словно опрокинув на себя ушат ледяной воды, Мадлен отпрянула в сторону. Стук повторился. Страх, с таким трудом вытесненный из груди, вновь пронзил тело. «Нет, нет...»

– Прошу, откройте, – донёсся из-за двери нежный девичий голос. Мадлен опешила, совершенно не ожидая, что в эту минуту за дверью может стоять кто-то кроме таинственного убийцы.

– Я разыскиваю одного человека, – трепетно заговорил мягкий голосок.

«Что сегодня за ночь?» Сделав несколько глубоких вдохов, Мадлен решила приоткрыть дверь. Скрипнули старые петли. Деревянная дверь отворилась, и Мадлен осторожно выглянула на крыльцо. Там, кутаясь в шелковый плащ, стояла незнакомка.

– Прошу простить мне столь поздний визит. Мой путь до Жарден Флюрьи занял больше времени, чем я рассчитывала, – незнакомка откинула капюшон, и на Мадлен взглянула пара встревоженных голубых глаз.

– Вы сказали, что кого-то ищете?

– Да, всё верно. Мне сообщили, что здесь я могу найти мадемуазель Бланкар.

Помедлив, Мадлен ещё раз окинула незнакомку взглядом и произнесла:

– Это я. Что вам угодно?

На лице ночной гостьи мелькнула улыбка.

– Вы? Какая удача! Меня привела к вам весьма деликатная просьба. Могу я войти?

Помня, чем закончился визит мадам Лоран, Мадлен ответила не сразу. Но подумав, что от юной девушки вряд ли можно ожидать больших проблем, пропустила гостью внутрь.

Войдя, незнакомка полностью сняла капюшон, и из-под него показалась копна аккуратно уложенных пшеничных волос.

– Так что за просьба заставила вас прийти в столь поздний час?

Вновь извинившись за своё вторжение, гостья начала рассказ:

– Моя сестра сильно захворала. Мы живём в соседнем селении, и достойного лекаря в наших краях нет. От знакомой я узнала, что в Жарден Флюрьи есть девушка, сведущая во врачевании и...

– ...колдовстве? Это вы хотели сказать?

Незнакомка кивнула, неловко потупив взор.

– Да, ходят слухи, что вы занимаетесь ведовством.

– Слухи лживы. Что с вашей сестрой?

– У неё лихорадка. Бедняжка в агонии и уже который день не может встать с постели.

Мадлен заметила, с каким интересом гостья рассматривала дом травницы. Иногда изящная тонкая ручка касалась свисающего с потолка пучка травы, и незнакомка загадочно улыбалась.

– Я могу дать вам настойку от жара. Но, не зная причины болезни, я не могу указать верного лечения.

Мадлен подошла к столу и, подхватив одну из склянок, обернулась к гостье. Девушка уже хотела протянуть незнакомке настойку, как вдруг блеск заколки в пшеничных волосах заставил её остановиться.

– Кто вы и зачем на самом деле прибыли ко мне? – голос Мадлен стал строже, девушке не нравилось, когда её обманывали.

Незнакомка напомнила, хлопнув ресницами:

– Моя сестра...

– Дело не в сестре. Я вообще не уверена, что она у вас есть. А если и так, то не её болезнь заставила вас ночью искать встречи со мной.

Гостья на мгновение опустила глаза в пол. А подняв их обратно, будто изменилась в лице. Её плечи выпрямились, в осанке появилась гордая стать. Лицо расслабилось, являя приятную вежливую улыбку.

– Как вы догадались, что меня выдало?

– Многое. Вы сказали, что живёте в соседней деревне, но крестьянки не носят плащей из чистого шёлка, их причёски не украшают заколки из драгоценных камней. На улице слякоть, а подол вашего платья чист, вы не сохранили бы его таким, даже прибыв на телеге, а значит, вас привез экипаж. В наших краях крестьяне не разъезжают в каретах.

– Вы удивительно проницательны, Мадлен. И внимательны к деталям. Хорошее качество.

– Я ответила на ваш вопрос, мадемуазель, прошу и вас сделать то же самое.

Девушка чуть шагнула вперёд и, вздёрнув подбородок, произнесла:

– Меня зовут Селеста Моро, я фрейлина её величества Екатерины де Медичи, матери нашего короля. И к вам я прибыла по её приказу. Мне пришлось долго разыскивать вас по всей Франции, замечу, вы не задерживаетесь на одном месте подолгу. Но наконец мне улыбнулась удача, и я отыскала вас, Мадлен.

Мадемуазель Бланкар с недоверием вглядывалась в лицо гостьи. Девушка всеми силами старалась найти признаки лжи в её мимике, жестах. Но ничего не получалось. Селеста Моро держалась спокойно, уверенно. Ничто в её словах не выдавало новой лжи. Однако поверить в сказанное девушкой Мадлен не могла. «Фрейлина? Екатерина Медичи? Король Франции?» Слышать эти имена и титулы в простом сельском доме казалось странно.

Видя непонимание в глазах Мадлен, Селеста продолжила:

– Екатерина Медичи в своё время была дружна с Мишелем Нострадамусом – вашим дедом. И из достоверных источников её величеству известно, что вам передан его дар.

Мадлен отчего-то вздрогнула, передернув плечами. Упоминание её дара всегда вызывало в девушке напряжённый трепет.

– Не пугайтесь, Мадлен. Екатерина Медичи высоко ценила способности вашего деда. И его смерть стала для неё большой потерей.

– Я слышала от мамы рассказы о дружбе дедушки с королевой, но это было так давно. Когда я родилась, его уже не было в живых. Поэтому я все ещё не понимаю, для чего вы искали меня?

– Её величество просит вас о помощи.

– Что?! Меня?!

– Да, Мадлен, вас.

– Но это звучит невероятно. Как обычная травница может помочь королеве?

– Вы не обычная травница, Мадлен. Вы девушка с даром предвидения. Поверьте, Екатерина Медичи не затеяла бы ваши поиски, не оказалась она в безвыходном положении. Вы нужны ей. И не побоюсь сказать большего – вы нужны Франции. Едемте со мной, нам нужно как можно быстрее добраться до замка Тюильри.

Фрейлина шагнула вперед, протягивая Мадлен руку, но девушка не спешила принимать приглашение Селесты.

– Я всё ещё не верю... Как это может быть правдой?

Понимая сомнения девушки, мадемуазель Моро запустила руку в шелковый мешочек на поясе и достала из него золотой перстень.

– Возьмите его, Мадлен. Это подарок от её величества и знак её искреннего расположения к вам.

На ладонь Мадлен опустилось тяжёлое золотое кольцо. Девушка не удержалась от того, чтобы поднести его к лицу и рассмотреть повнимательнее. «Лилия – герб королевской семьи. Никто во Франции не рискнул бы носить на себе знак монарха без ведома королевского двора. Это кольцо точно принадлежит кому-то влиятельному». Расставаться с перстнем не хотелось, но Мадлен решила, что не станет принимать этот подарок. Желая вернуть кольцо Селесте, девушка сжала его в ладони, и вдруг... очертания комнаты начали меняться, сознание Мадлен на миг померкло, и перед внутренним взором вновь появилось видение прошлого.

В просторной комнате горел камин. На каменных стенах висели дорогие гобелены, соседствуя с портретами королевских особ. Опираясь на спинку резного стула, в покоях стояла женщина, облачённая в чёрное платье. Определить её точный возраст было непросто из-за мрака, царившего в комнате. Но седеющие волосы и сухие руки выдавали её преклонные лета. Женщина была не одна. В покоях у стены стоял мужчина, он был стар, но силы ещё не покинули его.

– Почему я не могу прочитать его сейчас? – строго поинтересовалась женщина.

– Не спрашивай. Ты же знаешь, Катерина, некоторым предсказаниям нужно время, чтобы быть понятыми. Обещай, что вскрыешь его в указанный срок.

Женщина согласилась, тяжело вздохнув.

– Хорошо, Мишель. Даю слово. Но как я смогу растолковать его без твоей помощи, если вдруг спустя столько лет тебя не окажется рядом?

– Не волнуйся, Катерина, тебе помогут.

– Кто?

– Тот, кто займет моё место. Предсказание подскажет.

Видение рассеялось, как туман. Моргнув, Мадлен вновь увидела перед собой лицо Селесты. Фрейлина была взволнована.

– Что-то случилось? Вы замерли не шевелясь.

«Я видела своего деда. Кажется, он передал королеве некое предсказание. Не из-за него ли меня теперь разыскивает Екатерина Медичи?» Мысли неудержимым потоком пронеслись в голове Мадлен. Услышать голос разума сейчас было сложнее, чем когда-либо. Но спустя некоторое время девушка приняла решение:

– Хорошо, я поеду с вами. Если её величество хочет говорить со мной, я не вправе отказать.

Селеста облегчённо улыбнулась.

– Тогда поспешим.

Глава 2. Последнее предсказание

*Les pères ont mangé des raisins verts et les enfants ont eu mal aux dents.
За грехи отцов расплачиваются их дети.*

Этой же ночью карета мадемуазель Моро неслась по ночной дороге обратно в Париж. Кучер как мог подгонял лошадей. Мадлен впервые довелось ехать в настоящей крытой карете, сиденья которой были обиты дорогой, приятной на ощупь тканью. Переезжая из провинции в провинцию, девушка пользовалась большими деревенскими телегами, запряжёнными измождёнными лошадёнками.

Спутница Мадлен поглядывала в окно со смесью удивления и любопытства. «Видимо, – заключила Мадлен, – местный пейзаж совсем не походит на тот, к которому привыкла парижская фрейлина».

– Какая она, – решила спросить девушка у Селесты, – Екатерина Медичи?

Мадемуазель Моро задумалась, смешно сморщив маленький носик.

– Великая. Она поистине великая женщина. За всю жизнь ей пришлось пройти через множество трудностей. И все из них она переступила, высоко держа голову. Молва приписывает ей сотни преступлений, и наверняка большая их часть действительно дело рук Екатерины. Но всё, что она когда-либо делала, было направлено исключительно во благо Франции и династии Валуа. Екатерина не терпит лести, поэтому не пытайся понравиться ей, используя сладкие речи. Ещё не выносит, когда ей перечат, но при этом уважает чужую веру в собственные убеждения, какими бы они ни были. Впрочем, вскоре ты сама в этом убедишься. Мы прибудем в замок Тюильри на рассвете.

Перестав задавать вопросы, Мадлен повернулась к окну. Там, в ночной тени, мелькали силуэты тёмных деревьев и давно уснувших деревенских домов. Карета въехала в лес, и вокруг неё окончательно сомкнулась непроглядная тьма. Повозку резко бросало из стороны в сторону, когда одно из колёс налетало на камень.

– Тпру-у-у, стой! – натянув поводья, кучер резко остановил лошадей. Девушкам пришлось с силой вцепиться в края сидений, чтобы не упасть.

– Что такое, Робэ? – приоткрыв дверь, крикнула Селеста.

– На дорогу дерево повалило, мадемуазель, не проехать.

Услышав, как кучер спрыгнул с козел, фрейлина закрыла дверь кареты и с лёгким волнением взглянула на спутницу.

– Нам нельзя задерживаться. Что за напасть? Мы же ехали сегодня этой самой дорогой. Я помню этот лес. Даже при свете дня он показался мне ужасно неприветливым. Наверняка здесь водится множество диких зверей. Как бы им не вздумалось выйти к карете.

– Лесные звери не худшее, что может случиться с ночным путником. Эти леса таят куда большие опасности.

От слов Мадлен по спине фрейлины пробежал холодок. Зябко поёжившись, Селеста попыталась сильнее вжаться в сиденье кареты. В тишине, разбавляемой лишь тяжёлыми вздохами кучера, прошло несколько томительных минут. А после из лесной чащи послышался грубый насмешливый голос:

– Вам помочь, любезный?

В следующую секунду ночную тишину пронзил предсмертный истошный крик кучера. Девушки, сидящие в карете, замерли в ужасе. Селеста закрыла ладонью рот, чтобы не вскрикнуть, побледнела и затряслась. Мадлен, вцепившись руками в сиденье, подняла на перепуганную фрейлину расширившиеся от страха глаза.

– Разбойники, – одними губами прошептала девушка, зная, что в этих лесах нередко пропадали местные крестьяне и нерасторопные торговцы.

У кареты стало шумно. Послышались чужие голоса и нетерпеливые тяжёлые шаги. Кто-то приближался. Девушки не шевелились, почти не дыша, с нескрываемым ужасом поглядывая на дверь. Ещё миг – и дверца кареты резко распахнулась. На фрейлину и её спутницу уставилась пара чёрных прищуренных глаз.

– О, да мы, братцы, просчитались. Нет здесь ни купцов, ни ростовщиков. Нам сегодня попалось сокровище поценнее, – брызжа слюной, с гадким смешком выплюнул бородатый неухоженный лиходей, – Ну-ка, птички, вылетайте из клетки!

С этими словами разбойник бесцеремонно схватил за руку Селесту и рванул на себя.

– Нет, пожалуйста, пустите, – едва дыша, больше прошептала, чем вскрикнула фрейлина.

– Выходи, красавица, будем знакомиться, – вытаскивая фрейлину из кареты, рассмеялся разбойник.

Не успела Мадлен опомниться, как грязные огромные руки схватили и её. В отличие от фрейлины, мадемуазель Бланкар нашла в себе силы сопротивляться. Вывернувшись, девушка попыталась ногой оттолкнуть от себя нападавшего. Ей даже удалось пнуть его в грудь, но этого оказалось недостаточно. Громко и грязно выругавшись, разбойник всем своим весом навалился на хрупкую Мадлен и выволок её из кареты.

Упав на холодную землю, трепещущие от страха девушки жались друг к другу, со всех сторон обступаемые разбойничьей бандой.

Главарь лиходеев, тот, что вытащил их из кареты, шагнул вперед и навис над бедняжками.

– А мы-то каретку вашу еще днём заприметили. Богатая, большая, сразу видно: знатные господа путешествовать изволят. С умом все рассчитали, поняли, что назад путь держать будете этой же дорогой. Не прогадали.

– Пусто. Золота нет, одни тряпки бабские, – крикнул кто-то из банды, закончив обыскивать карету.

Главарь недовольно хмыкнул.

– Жаль...

– Зря дерево тащили, столько времени на него убили, а выручки никакой, – злобно прошипел невысокий разбойник, чьё лицо было покрыто язвами.

– Не ворчи, не видишь, какое мы сокровище добыли, – усмехнулся главарь, не спуская с девушек бесстыжих тёмных глаз. – Давно ли вы такую красоту видали? Эти птички, пожалуй, лучше сундука с золотом будут.

Гадко усмехнувшись, разбойник грязной шершавой ладонью схватил Селесту за подбородок, приподнимая голову. Девушка, не помня себя от страха, не издала ни звука и зажмурилась.

– Не трогайте нас, – найдя в себе силы, произнесла Мадлен, – родители этой девушки очень богаты, они заплатят вам любую сумму за жизнь своей дочери.

На время оставив Селесту в покое, разбойник повернулся к Мадлен:

– А за тебя, значит выкупа не будет? То-то я смотрю, на тебе платье попроще, служанка? Но, ничего красотой-то тебя природа не обделила. А насчёт золота мы не волнуемся. День-другой – и по этому тракту проедет очередной глупец. А вот юные девы, путешествующие в полном одиночестве, для этих мест редкость. Так что будем считать, что нам повезло. Что золото? Всего лишь блестящая безделица, а тут у нас птички, что согреют и приласкают, ведь так?

Обе девушки молчали: Селеста от страха, Мадлен от отвращения. Недовольный отсутствием ответа, главарь присел напротив пленниц и достал из-за пояса нож.

– Так ведь? – злее и жёстче повторил он, кончиком ножа угрожая провести по щеке Селесты. Фрейлина, не выдержав, горько зарыдала. – Ладно, братцы, эта слишком хилая, того и гляди чувств лишится, я этого не люблю, – сморщив физиономию, выплюнул бандит, поворачиваясь к Мадлен. – Эту возьму, она побойчее будет.

Выпрямившись, разбойник одним резким движением дёрнул девушку на себя, поднимая с земли.

– Пойдём, птичка, познакомимся поближе, – мерзко расхохотавшись, бандит потащил Мадлен в лесную чащу. Последним, что увидела мадемуазель Бланкар, были заплаканные, полные ужаса и отчаяния голубые глаза Селесты.

Не церемонясь, разбойник поволок Мадлен через кустарники подальше от кареты. Сопrotивляясь, девушка хваталась руками за ветви, пыталась ударить, укусить схватившую её руку. Но всё было тщетно.

– Какая юркая, шустрая птичка, – довольно скалился разбойник. – Упорхнуть от меня решила, не выйдет!

Добравшись до места, откуда уже не были слышны голоса остальной банды, лиходея с силой швырнул девушку на землю. Больно ударившись о редкие камни, мадемуазель Бланкар попыталась отползти в сторону, но была грубо возвращена обратно.

– Куда собралась, птичка? Ну-ка, иди сюда, – грубо схватив Мадлен за показавшуюся из-под платья лодыжку, разбойник подтянул её к себе. Словно хищник, прижимавший к земле беспомощную лань, бандит навис над девушкой. Его почерневшие от грязи и старых ран руки потянулись к лифу её платья.

– Нет, прочь, прочь! – в отчаянии кричала Мадлен.

– Ну уж нет, птичка. Раз попалась, не пушу. Снимай платье!

Под тошнотворный смех разбойника, от которого несло гнилью и кислым вином, Мадлен дёрнулась в сторону. Бандит, чьи глаза уже заволокла пелена похоти, не обратил на это внимания, разделяваясь с тканью девичьего платья. Это стало его ошибкой. Оцарапав ладонь, Мадлен мёртвой хваткой вцепилась в попавшийся под руку камень. Замахнуться она не могла, и поэтому настолько сильно, насколько позволяло её положение, ударила бандита камнем по голове. Зарычав, он на миг отшатнулся от девушки. Но через пару секунд Мадлен уже прожигали злые, полные ненависти глаза.

– Сейчас ты заплатишься, тварь! – брызжа слюной, зашипел разбойник, потирая ушибленную голову.

Он бросился вперёд. Не поднимаясь на ноги, Мадлен, подгоняемая оглушающим биением собственного сердца, поползла в темноту. Через короткое мгновение руки разбойника должны были сомкнуться вокруг её ноги, но этого не произошло. Рванувшись вперёд, девушка потеряла опору и, сдирая кожу, полетела в глубокий, незаметный в ночной темноте овраг. Больно ударившись о поваленное дерево, Мадлен поднялась и обернулась в поисках разбойника. «Не может такого случиться, что его остановит какой-то овраг». Озираясь по сторонам, словно загнанный в угол зверёк, девушка вглядывалась во мрак ночи. Но нападавшего она больше не видела. Подняв голову туда, где, как ей казалось, должен был стоять разбойник, Мадлен услышала сдавленный хрип. Девушка замерла, боясь пошевелиться. Булькающий, пугающий звук разносился по лесу ещё несколько минут и, завершившись пробирающим до костей жутким стоном, затих. Мадлен, прижавшись к земле, почти не дышала. Где-то на склоне хрустнула сухая ветка, и всего на пару секунд девушка заметила высокий тёмный силуэт, заглянувший в овраг. Его скрывал чёрный балахон, не позволяя девушке рассмотреть ни лица, ни фигуры. Мадлен поняла лишь одно: тот, кто безмолвно всматривался в неё, не был разбойником. Силуэт отпрянул и больше не появлялся. Выждав время, Мадлен наконец уговорила себя подняться на ноги. Подскальзываясь на влажной земле, девушка выбралась из оврага. Как только ноги оказались на твёрдой поверхности, девушка, выпрямившись, увидела того, кто намеревался лишить её чести и жизни. Разбойник лежал всего в паре шагов от оврага. Всмотревшись в его неподвижную фигуру, девушка вздрогнула и ахнула:

– Пресвятая Дева...

Всё еще открытые глаза бандита, не мигая, смотрели в ночное небо. Одежда, обильно залитая свежей кровью, прилипла к широкой груди. Горло разбойника было перерезано так глубоко, что казалось, голова едва держалась на мёртвом теле. Но убийцы поблизости уже не было.

Обхватив себя руками, Мадлен не могла отвести глаз от разбойника. Ей и прежде доводилось видеть покойников, но то были крестьяне, умершие от внезапной хвори. Картина, стоявшая сейчас перед её глазами, была совсем иной. Подрагивая от страха и ночной прохлады, девушка судорожно пыталась сообразить, что делать дальше. Мысли о несчастной Селесте, оставленной на растерзание банде разбойников, не давали Мадлен покоя. Но девушка понимала: вернись она к карете, помочь фрейлине она не сумеет, лишь добровольно приведёт себя в лапы бандитов. Совсем рядом послышался громкий топот и раздалось конское ржание, а через несколько секунд из-за кустов показался всадник. Решив, что это убийца, Мадлен юркнула за ближайшее дерево. Но её остановил молодой уверенный голос:

– Стойте, мадемуазель, я не причиню вам вреда.

Быстро спрыгнув с коня, всадник направился к девушке.

– Я из королевской гвардии, прошу, не бойтесь.

Голос, принадлежавший всаднику, совсем не походил на те гадкие звуки, что издавали разбойники, и Мадлен решила выглянуть из-за дерева. Перед ней возник юноша, не достигший, вероятно, даже тридцати лет. Его аккуратный мундир был украшен золотыми лилиями, указывающими на принадлежность к королевскому двору. Вьющиеся волосы цвета спелой ржи мягко обрамляли его серьёзное, слегка грубоватое лицо. Опустив взгляд к земле, гвардеец заметил мёртвого разбойника. Его глаза удивлённо расширились.

– Это вы его так?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Понятно. Значит, кто-то из его же банды, – гвардеец протянул Мадлен руку, предлагая выйти из-за дерева. – Идёмте, опасность миновала. Вам повезло, что мы заметили, как ваша карета свернула в лес, и пустились следом.

Девушка вышла из-за дерева, но руки гвардейцу не подала.

– Моя спутница, что с ней? – всё ещё с недоверием поглядывая на юношу, спросила Мадлен.

– Селеста не пострадала. Но она перепугана до ужаса и жутко переживает за вас. Пойдёмте, успокоим её.

Имя Селесты, произнесённое устами гвардейца, убедило девушку в том, что юноша говорит правду. Наконец, доверившись гвардейцу, Мадлен последовала за ним.

Юноша вывел мадемуазель Бланкар к карете. Здесь, растаскивая в стороны тела поверженных разбойников, суетился небольшой отряд королевской стражи. Осмотреться Мадлен не успела. Как только она показалась из-за деревьев, на неё тотчас налетела Селеста. Дрожа и всхлипывая, фрейлина заключила девушку в крепкие объятия, словно они были давними подругами, а то и сёстрами.

– Ты жива, слава небесам! Я думала... думала, что тот негодяй погубит тебя, – задыхаясь, твердила Селеста, забыв о показном приличии.

– Боюсь, так бы и случилось, если бы не подоспела помощь, – произнесла Мадлен, взглянув на гвардейца.

Селеста, словно очнувшись, выпустила девушку из объятий и, пригладив пышные юбки, выпрямилась.

– Вы ведь, кажется, ещё не представлены друг другу, – вспомнила об этикете Селеста.

– Фабьен Триаль – гвардеец из личной охраны его величества короля Генриха, – сухо и серьёзно произнес юноша.

– Мадлен Бланкар... – начала было представляться девушка, но её перебила фрейлина Екатерины.

– ...внучка близкого друга Екатерины Медичи, – произнесла Селеста и, заметив недоверчивый взгляд гвардейца, брошенный на неприглядное платье Мадлен, добавила: – Из семьи разорившегося виконта.

– Рад знакомству, мадемуазель, несмотря на то, при каких обстоятельствах оно произошло.

Закончив с любезностями, Фабьен обернулся к Селесте и, недовольно сдвинув брови, заговорил строго и серьёзно:

– Чем вы руководствовались, мадемуазель Моро, пустившись в ночное путешествие без охраны?

Смутившись, фрейлина опустила глаза.

– Поездка обещала быть быстрой. Я думала, что мы вернёмся в Тюильри засветло.

– Немыслимая беспечность. В этих лесах опасно и днём, – продолжал негодовать Фабьен. – Две юные девушки и кучер. Как такое возможно? Что с вами было бы, не подоспей мы вовремя?

Слова гвардейца вновь окунули фрейлину в ужасы этой ночи. Селеста напряглась, еле сдерживая вновь подступившие слёзы.

– Месье, ваши нравоучения сейчас ни к чему. Видите, до чего довели мадемуазель Моро ваши слова? – вступилась за фрейлину Мадлен.

Гвардеец перевёл на девушку суровый взгляд, ему не понравилось её замечание. Но он благоразумно промолчал, понимая, через что прошли этой ночью неудачливые путешественницы.

– Я распоряжусь, чтобы мои люди сопроводили вас в Тюильри, – подытожил разговор Фабьен.

Оставив девушек, гвардеец направился к своему отряду. От Мадлен не укрылось, как Селеста проводила Фабьена заворожённым взглядом. Заметив любопытство мадемуазель Бланкар, Селеста покраснела и быстро отвела взгляд от гвардейца. Девушек проводили

к карете. Краем глаза Мадлен заметила распростёртое на земле тело кучера. «Столько мертвецов за одну ночь, – горько подумала девушка, – и все лежат на моём пути. Это проклятие, как и мой дар...»

Сев в карету, девушки больше не проронили ни слова. Гвардейцы оттащили с дороги поваленное дерево, и повозка тронулась в путь. На рассвете карета въехала в Париж. А вскоре и совсем остановилась у ворот замка Тюильри.

Первой из кареты выбралась Селеста. Мадлен медлила. «Я в Париже, в сердце Франции, готовлюсь войти в королевский дворец. Возможно ли это?» – нервно теребя подол испачканного платья, думала девушка. Её мысли путались. Сказывались усталость и ужасы минувшей ночи.

– Поспешим, Екатерина ждёт, – поторопила девушку Селеста.

Глубоко вздохнув, Мадлен выбралась из кареты. Окинув мадемуазель Бланкар взглядом, полным критики, Селеста покачала головой.

– Никуда не годится. Платье всё в грязи.

Скинув с себя дорожный плащ, фрейлина накинула его на плечи Мадлен.

– Он тоже пострадал там, в лесу, но значительно меньше, чем твоё платье, – заметила Селеста. – А теперь пойдём. Скоро замок проснётся, а лишние взгляды нам не нужны.

Фрейлина направилась ко входу во дворец, Мадлен, стараясь не отставать, последовала за ней. Селеста, несмотря на тяжелую ночь, была собранна и сосредоточенна, Мадлен же с трудом сохраняла спокойствие. Большой величественный замок, к которому вела её фрейлина, вызывал в ней трепет и восхищение.

– Значит, здесь живёт король?

Не сбавляя шаг, Селеста улыбнулась.

– Нет, королевская семья и их двор обитают в Лувре. Вон там, – обернувшись, фрейлина жестом указала в сторону, где виднелся огромный, ещё более величественный дворец. – Тюильри построили совсем недавно, по приказу Екатерины. Она желала всегда быть рядом с сыном, но при этом не сталкиваться ежедневно со всем королевским двором, – добавила Селеста.

– То есть целый замок выстроили всего для одного человека? – удивилась Мадлен.

– Да, Екатерина Медичи может позволить себе подобную роскошь. К слову, в Тюильри живет огромное количество слуг и придворных. Мои покои тоже находятся здесь.

Оказавшись в стенах замка, Мадлен не знала, на чем остановить свой взор. Всё, что попало на её пути, казалось девушке произведением искусства. Ковры, гобелены, мраморные статуи – все они поражали воображение. А от высоких потолков и широких коридоров просто пропадал дар речи.

По мраморной лестнице фрейлина провела Мадлен на второй этаж. Девушки остановились в одном из коридоров перед массивной деревянной дверью.

– Екатерина специально отпустила стражу, чтобы никто не подслушал ваш разговор. Подожди здесь, я объявлю о твоем прибытии, – сказала Селеста и, дважды ударив в деревянную дверь, нырнула в скрывавшиеся за ней покои.

Мадлен не пришлось долго ждать. Уже через несколько секунд фрейлина вновь распахнула дверь, приглашая девушку войти. Не зная, что ждет её по ту сторону, Мадлен собрала в кулак оставшуюся храбрость и шагнула в королевские покои.

В комнате было тихо. Плотная тяжёлая ткань занавешивала окна, не пуская в покои солнечный свет. Однако от потрескивающего в центре камина в комнате делалось светло и уютно. Опираясь на спинку резного кресла, покоившегося подле большого стола, лицом к девушкам стояла невысокая женщина, облачённая в дорогое чёрное платье. Её некогда ясные глаза уже начали тускнеть, седина и морщины давно стали её верными спутниками. Но, несмотря на

преклонный возраст, женщина держалась достойно, она горделиво смотрела вперёд, а ровная, словно натянутая струна лиры, спина придавала ей грации. Этой женщиной была Екатерина Медичи – мать правящего короля Генриха III из рода Валуа. Поймав на себе тяжёлый пронзительный взгляд Екатерины, Мадлен ощутила холодок, пробежавший по коже. Тихо кашлянув, Селеста обратила на себя внимание девушки и, едва кивнув головой, напомнила о необходимости поздороваться. Растерянная, переполненная эмоциями Мадлен совсем забыла о правилах приличия. Замявшись, девушка неловко сделала реверанс и поклонилась.

– Полно. Я предполагала, что тебя не обучали придворному этикету. Это пока неважно, – холодным размеренным голосом ответила на приветствие Екатерина.

Мадлен смутилась от её слов. А Медичи тем временем, обойдя стол, приблизилась к гостье. Остановившись напротив девушки, мать короля пристально взгляделась в её лицо.

– Я вижу в тебе черты Мишеля: те же глаза и скулы. Когда мы познакомились, он был красив и, я уверена, пленил не одно женское сердце, – с едва заметной ностальгией произнесла Екатерина.

– К сожалению, я не застала его при жизни, – не уверенная в том, что имеет право говорить без разрешения, осторожно произнесла Мадлен.

– Да, смерть забрала его слишком рано, он был талантливым врачом и невероятно мудрым мужчиной. Порой мне не хватает его искреннего дружеского совета, – с заметной грустью заключила Екатерина. – Ты, наверное, удивлена моим внезапным приглашением и ждёшь объяснений, – произнесла Медичи не терпящим возражений голосом.

Мадлен коротко кивнула, и Екатерина продолжила:

– Мишеля всегда ценили за его пыткий ум и невероятные успехи в медицине. Но самой удивительной и непостижимой для меня тайной всегда оставалась его способность заглядывать в будущее. Я не раз была свидетелем того, как исполнялись его предсказания. И потому я убеждена, что каждое слово Нострадамуса требует внимания и веры. Незадолго до своей кончины Мишель навестил меня. В ту нашу последнюю встречу он был очень взволнован и не находил себе места. С собою он привёз запечатанный свиток пергамента. Мишель объявил, что в нем содержится его предсказание о судьбе королевского рода Валуа и целой Франции. Я попыталась вскрыть его, но Нострадамус запретил. Я дала ему слово, что взломаю печать и прочту предсказание в год двух восьмёрок, когда с полей сойдёт последний снег. Я сдержала своё слово. В начале весны я наконец вскрыла пергамент и строчки, хранимые в нем многие годы, повергли меня в ужас.

Пройдя вдоль камина, Екатерина подхватила с полки свиток старого пергамента. Вернувшись к Мадлен, протянула его ей.

– Прочти, – велела Медичи.

Приняв из рук бывшей королевы пергамент, девушка на несколько мгновений замерла, разглядывая сломанную печать. «*М* и *Н* – инициалы дедушки, – чувствуя в душе невероятный трепет, поняла Мадлен, – а в центре скрещённые посередине песочные часы. Странно, почему Нострадамус именно их изобразил на своей печати?» Пока свиток крутился в руках мадемуазель Бланкар, девушке показалось, что часы на печати вращаются, будто заставляя время застыть в одной точке. Наконец, оторвав взгляд от печати, Мадлен развернула пергамент. Перед глазами мелькнули строчки ровного аккуратного почерка. Ещё не успев вчитаться в содержание свитка, девушка с теплотой рассматривала выведенные твёрдой рукой буквы. «Это писал он, мой дедушка. Человек, с которым я никогда не была знакома, но который, передав мне свой дар, навсегда переплел наши судьбы». Взгляд девушки коснулся ровных строк, и она прочла:

«Когда с полей сойдёт вода в тот год, что увенчан двумя
бесконечностями,
Над Францией сгустятся тучи.

Вскоре саван накроет правителя.
Великий дом погрузится в забвение.
Лишь истинный дар и моя кровь,
Презрев опасность, сумеют рассеять тьму,
Сохранить жизнь королевского рода и уберечь мир от смрада смерти».

Перечитав предсказание Нострадамуса несколько раз, Мадлен подняла на Екатерину удивленный взгляд.

– Что это значит?

– Мишель предвещает гибель моему последнему сыну. У Генриха и королевы нет наследников. А значит, с его смертью оборвется род Валуа, – без лишних эмоций ответила Екатерина. Однако девушка заметила, как, произнося эти слова, Медичи попыталась скрыть дрожь, охватившую её тело. – За годы знакомства с Мишелем я научилась понимать его предсказания. И сейчас он говорит мне, что Генриху угрожает опасность, что чёрной тучей повиснет не только над его головой, но и над всей Францией. Но ты, наверное, хочешь знать, почему я приказала Селесте разыскать тебя?

Мадлен вновь кивнула.

– «Лишь истинный дар и моя кровь, презрев опасность, сумеют рассеять тьму», – наизусть процитировала Екатерина строчки из письма Нострадамуса. – Я не сразу догадалась, о чём, вернее, о ком Мишель ведёт речь. Но однажды ночью поняла: Нострадамус говорит о своём потомке, что унаследовал его особый дар. Мы проверили многих: его детей, внуков. Но все было тщетно, пока однажды мы не добрались до небольшой деревеньки в Бургундии. Местные жители оказались весьма разговорчивы и поведали о девушке, что предсказывала будущее, общаясь с дьяволом. Речь шла о тебе, той, чья мать была дочерью Нострадамуса. Сомнений не осталось, я верно истолковала предсказание Мишеля. Он видел, что именно ты сумеешь уберечь моего сына и его род от страшной гибели.

– Простите, но я всё ещё не понимаю. Как я могу помочь? Разве что ваш сын болен, тогда я могу приготовить целебный отвар или собрать трав для микстуры, – спросила Мадлен.

Екатерина покачала головой.

– Мне неизвестно то, как ты повлияешь на судьбу Генриха. Мишель не оставил мне подсказок. Я знаю лишь одно: предсказания твоего деда всегда сбываются. Всегда. А потому я верю каждому написанному им слову. Я пережила всех своих сыновей и не желаю видеть смерти последнего. Чтобы спасти Генриха, мне нужна ты. Именно поэтому здесь и сейчас я прошу тебя о помощи. Во имя страны, что является твоим домом, во имя памяти твоего деда дай мне слово исполнить предсказание Нострадамуса и спасти род Валуа.

Цепкий взгляд Екатерины ни на секунды не выпускал Мадлен из поля зрения. Ровный, внушающий трепет голос не оставлял места для сомнений и колебаний. Однако внимательная к мелочам девушка чувствовала, что за этой холодной стеной скрывается страх. Екатерина боялась, очень боялась потерять последнего из своих сыновей и лишиться надежды на его спасение. Глядя на женщину, по слухам не раз преступавшую законы совести ради собственной выгоды, Мадлен молчала, не решаясь высказать Екатерине свои сомнения. Всё, что происходило с девушкой последние сутки, казалось ей сном. Вчерашняя травница сегодня стояла в королевском дворце и была той, от кого ждала помощи сама Екатерина Медичи. «Я всю жизнь бежала от людей, узнававших о моем даре. И мечтала однажды стать свободнее и перестать бояться собственной природы. Но сейчас, когда мой дар привёл меня в самое сердце Франции, когда от меня ждут решительных действий, я боюсь. Что же мне делать?» Всё больше погружаясь в пучину сомнений, Мадлен вдруг вздрогнула, словно получив внезапное откровение. Она вспомнила своё последнее видение, настигшее её в Жарден Флюрьи. «Я видела, как дедушка передавал Екатерине своё предсказание. Он сказал, что ей поможет тот, кто займёт его место.

Он говорил обо мне, сомнений нет, а значит, и выбора тоже. Судьба уже проложила для меня путь, по которому придётся пройти, хочу я того или нет».

Екатерина, ожидая ответа, начала нетерпеливо постукивать пальцами о деревянную столешницу. Набрав в грудь побольше воздуха, Мадлен произнесла:

– Я не знаю, как и чем способна помочь роду Валуа. Но если дедушка считал, что я действительно могу повлиять на его судьбу, я готова приложить для этого все силы. Франция – мой дом, и мне не хотелось бы видеть, как он задыхается от смрада смерти.

– Благодарю тебя, дитя, – сухо, как будто заранее зная ответ Мадлен, произнесла Екатерина. – В таком случае, ты поселишься в Лувре, поближе к Генриху. И будешь присматривать за ним, оберегать. А также докладывать мне о любых своих опасениях, связанных с жизнью короля.

– Но как мне это сделать? Я ведь не владею ни шпагой, ни арбалетом.

– Ты владеешь даром предвидения. Именно он, полагаю, станет твоим оружием.

– Но вы сказали, что я поселюсь в Лувре, как такое возможно? Разве никого не удивит, что при дворе внезапно появилась простая сельская девушка? – спросила Мадлен.

– Никто не должен узнать, кто ты на самом деле. Не открывай своего родства с Нострадамусом. Я дам тебе личную рекомендацию, в которой назову дочерью разорившегося виконта. И ты войдешь в свиту королевы Луизы, супруги Генриха. Станешь её фрейлиной, – объяснила Екатерина.

– А если королева откажет?

– Не посмеет.

Екатерина взяла со стола давно заготовленное письмо и передала его Селесте.

– Мадемуазель Моро лично доставит мою просьбу Луизе.

Медичи, слегка прищурившись, еще раз с ног до головы оглядела Мадлен.

– Боюсь, единственное, что может выдать твоё неблагородное происхождение, – незнание придворного этикета. Селеста всегда будет неподалёку и, если тебе потребуется помощь, окажет её.

Фрейлина Екатерины, поймав на себе взгляд бывшей королевы, незамедлительно кивнула.

– Ах да, забыла. – Екатерина прошла по комнате и вынула что-то из ящика дальнего стола.

Когда Медичи вновь приблизилась, Мадлен заметила в её руках старую потёртую книжицу в кожаном переплете.

– Эту вещь вместе с предсказанием передал мне Мишель. Теперь я отдаю её тебе в надежде, что она поможет защитить моего сына, – вручая книгу девушке, пояснила Екатерина.

Мадлен раскрыла оставленную Нострадамусом книгу и удивлённо взглянула на бывшую королеву.

– Здесь нет ни одной страницы, они вырваны, остались лишь корешки.

Екатерина кивнула.

– Я знаю, таким дневник и попал ко мне. Твой дедушка любил загадки. Возможно, это одна из них. И тебе, верю, удастся её разгадать. А теперь ступайте. Для тебя, Мадлен, приготовлены вещи, будь добра, сними это деревенское платье и надень то, что подходит дочери виконта. А затем Селеста проводит тебя в Лувр и представит королеве Луизе, – произнесла Екатерина, словно потеряв к мадемуазель Бланкар всякий интерес.

Селеста поклонилась, следуя её примеру, то же сделала Мадлен. И девушки покинули покои Медичи, не услышав от неё более ни слова.

Глава 3. Фрейлина её величества

*La belle cage ne nourrit pas l'oiseau.
Золотая клетка соловью не потеха.*

Закрыв за собой дверь в одну из комнат замка Тюильри, Селеста показала мадемуазель Бланкар несколько платьев, подготовленных специально для неё.

– Выбирай, в каком из них ты предстанешь сегодня перед Луизой? Они все просто очаровательны, эти ткани, цвета – загляденье, – с восторгом щебетала Селеста.

Одеяния были невероятной красоты, от которой у юной Мадлен захватывало дух. Никогда в жизни сельская девушка не прикасалась к столь изящным творениям. Но чем дольше мадемуазель Бланкар смотрела на прекрасные платья, тем серьезнее становилось выражение её лица. Эта перемена не укрылась от Селесты.

– Что такое? Неужели эти наряды тебе не по душе?

– Дело не в их красоте, – сосредоточено произнесла Мадлен, – а в том, что Екатерина подготовила их ещё до моего согласия помогать ей. Получается, у меня не было выбора. И даже если бы я решила отказаться, меня заставили бы остаться при дворе?

Неудобный вопрос, заданный девушкой, смутил фрейлину Екатерины.

– Да, платья доставили несколько дней назад, но это не говорит о том, что тебя планировали держать здесь, как пленницу.

– Но кричит о том, что отпускать меня никто не собирался. Вероятно, Екатерина уже продумала возможные способы запугать меня, надавить на слабые стороны, – предположила Мадлен.

– Но ты ведь согласилась. Давай не будем думать о том, чего не произошло, – Селеста попыталась улыбнуться, но её улыбка не избавила Мадлен от неприятного открытия.

Спустя некоторое время, облачившись в новый наряд, мадемуазель Бланкар провела руками по пышным юбкам, не узнавая себя.

– Неужели это действительно я? Не верю собственным глазам!

– Ты выглядишь превосходно. Никто в Лувре не посмеет усомниться в твоём аристократическом происхождении, – заверила девушку Селеста. – Остальные наряды доставят в покои,

которые подготовят для тебя в королевском дворце. Об этом не переживай. А сейчас время отправиться в Лувр.

– Мы отправимся пешком?

– Да, стоит лишь пересечь сад, и мы окажемся на месте.

Спускаясь с крыльца замка Тюильри, Мадлен неловко придерживала юбки, впервые прогуливаясь в столь пышном платье. Преодолев ступени, девушка обернулась. Въехав в главные ворота, по дорожке проехала черная карета. Не остановившись у крыльца, она повернула за угол.

– Что находится там? За углом ещё один парадный вход? – поинтересовалась Мадлен.

– Нет, в той стороне кухня и дверь для прислуги, – ответила Селеста.

– Карета, что проехала мимо нас, явно не принадлежит прислуге, так?

– Не бери в голову, – отмахнулась Селеста, слегка занервничав от вопроса Мадлен. –

В королевские замки всегда прибывает много гостей. Идём, нам прямо, – произнесла мадемуазель Моро, уводя девушку подальше от крыльца.

Добраться от Тюильри до Лувра действительно не составило труда. Пройдя через зелёный сад, наполненный уже распустившимися цветами, девушки вышли к главной королевской резиденции. Здесь было шумно. Мимо то и дело прогуливались заливающиеся смехом фрейлины, проходили озадаченные местье, ведя разговоры, пробегали, торопясь, служанки, приезжали и уезжали пышные кареты.

– Вот и он, замок Генриха Третьего, короля Франции, – улыбнулась Селеста, с радостью наблюдая восхищение, озарившее лицо Мадлен.

– Удивительное место. Но я, признаться, всегда представляла его иначе, – заметила мадемуазель Бланкар.

– Да? И каким же ты видела его?

– Более сказочным, волшебным. Лувр казался мне чем-то столь же нереальным, как и домик какой-нибудь лесной феи. А сейчас я не просто вижу его, а готовлюсь войти внутрь и поселиться там. Как такое возможно?

– Ты не просто поселишься в Лувре, ты станешь фрейлиной королевы Франции. Сотни аристократов желают, чтобы их юные дочери удостоились подобной чести. Тебе несказанно повезло, – заверила девушку Селеста.

– А как ты стала фрейлиной Екатерины?

Селеста улыбнулась, мысленно возвращаясь в прошлое.

– Моя семья всегда была на хорошем счету у рода Валуа. Отец занимал высокий чин при французском дворе. Поэтому, как только мне исполнилось шестнадцать, меня отправили ко двору. А в семнадцать я стала фрейлиной Екатерины, когда одна из девушек, находившихся у неё в услужении, обручилась и уехала в Италию.

– И тебе нравится твоё положение?

– Я мечтала об этом с детства. А ты, ты разве никогда не хотела почувствовать себя принцессой, живущей в замке? – удивилась Селеста.

Мадлен задумалась.

– На самом деле, кажется, нет. Меня всегда привлекала наука. Я мечтала поступить в университет, как мой дед когда-то, обучиться астрономии, медицине. Но, к сожалению, моим мечтам не суждено сбыться. Женщины в стенах университетов – страшный сон учёных мужей.

– Наверное, так, – кивнула головой Селеста, никогда и не помышлявшая о подобных вещах.

Мимо девушек проходила молодая служанка с корзинкой, полной хлеба. Остановив её, Селеста поинтересовалась:

– Королева Луиза уже проснулась?

– Да, мадемуазель, – пролепетала служанка. – Ей уже относили завтрак.

– Хорошо, – кивнула Селеста, отпуская девушку. – Значит, я могу прямо сейчас отнести ей письмо Екатерины.

– А что делать мне? – поинтересовалась Мадлен.

– Тебе лучше подождать меня здесь. Я разыщу королеву, переговорю с ней и найду тебя, чтобы представить Луизе, – с этими словами Селеста поднялась на крыльцо Лувра и, войдя внутрь, скрылась за его дверями. Мадлен осталась стоять на дорожке, ведущей в замок. Девушка чувствовала себя неловко, не находила себе места и всё время теребила юбки нового платья.

– Впервые прибыли ко двору? – за спиной Мадлен раздался бархатный мужской голос с южным акцентом. Девушка обернулась и увидела позади себя статного молодого мужчину. Его чёрные с легкими завитками волосы были аккуратно собраны в хвост, тёмные пронзительные глаза смотрели с кошачьим прищуром. Взгляд Мадлен скользнул по алому камзолу, остановившись на золотой вышивке. «Красный лев – герб Испании». Заметив интерес юной особы к своему наряду, мужчина поспешил представиться:

– Мы, кажется, ещё не знакомы. Алехандро Ортега – посол испанского престола при французском дворе.

– Мадлен Бланкар.

Девушка на секунду призадумалась, не зная, как обозначить свой статус при дворе. Но наконец решилась и произнесла:

– Новая фрейлина королевы Луизы.

Мужчина галантно подал девушке руку и, склонившись, коснулся губами её ладони.

– Очень рад, что в замке появилось новое лицо, к тому же столь прекрасное.

Одного беглого взгляда на мужчину хватало, чтобы понять: в его венах кипит горячая южная кровь. Каждое его движение, будь то поворот головы или приподнятая бровь, выдавали в нём человека темпераментного, страстного, пылкого. Чуть прищурившись, Алехандро склонил голову набок, изучая новую знакомую. От этого пристального взгляда Мадлен ощутила неловкий, но весьма приятный трепет. Тем временем мужчина улыбнулся. Улыбка его вышла загадочной и даже отчасти пленительной.

– Вы, вероятно, только прибыли и ещё не успели изучить дворец, – то ли спрашивая, то ли утверждая произнёс Алехандро.

– Это так заметно?

– Вас выдаёт ваш растерянный взгляд.

– Вы правы, месье, я только вышла из кареты.

– В таком случае, могу ли я вам помочь и сопроводить в замок?

Мадлен помедлила с ответом. «Селеста просила меня ждать её здесь. Но, стоя в растерянности у крыльца, я вызываю подозрение. Думаю, не произойдёт ничего страшного, если я войду в Лувр».

– Я боюсь заблудиться. Если вас не обременит, не могли бы вы показать мне, где находятся покои королевы? Я ожидаю её аудиенции, – уточнила Мадлен.

– Конечно, мадемуазель, я провожу вас. Это не просто не обременит меня, а доставит огромное удовольствие – помочь юной фрейлине.

Мадлен почувствовала, как от пристального взгляда Алехандро её щеки заливаются краской.

– Благодарю, месье.

Меж тем испанский посол, получив разрешение, взял девушку под руку и повёл ко входу в королевский дворец. На крутой лестнице, слегка запутавшись в многочисленных юбках, Мадлен, поскользнувшись, чуть не потеряла равновесие. Но сильные руки Алехандро вовремя придержали её за талию. Смутившись, девушка покраснела ещё сильнее. Но, к её счастью, соблюдая придворный этикет, испанский посол никак не прокомментировал эту неловкость.

Пройдя мимо гвардейцев, охранявших вход в королевскую резиденцию, Мадлен впервые перешагнула порог Лувра. Увидев роскошное убранство дворца, девушка почувствовала, как её сердце замерло. «Я думала, ничто не сможет сравниться с дорогими гобеленами и коврами Тюильри. Но Лувр затмевает собой дворец Екатерины. Здесь столько света и золота, что, кажется, я ослеплена. Лестницы настолько широки, что по ним одновременно могут подниматься несколько десятков человек. А эти статуи, картины... Нет, это место действительно волшебное. Такая роскошь может быть только в сказках», – думала Мадлен, всеми силами стараясь не выдать своего удивления Алехандро. Проведя девушку по нескольким длинным коридорам и поднявшись вместе с ней по лестнице, испанский посол остановился у широких деревянных дверей, недалеко от которых стояла вооруженная стража.

– Покои королевы Луизы, – мягко произнес Алехандро, мимолётом покосившись на королевских гвардейцев. Один из них в ответ бросил на испанца быстрый осуждающий взгляд.

Мадлен ещё не успела поблагодарить Алехандро, когда двери распахнулись и из-за них выпорхнула Селеста. Не ожидая встретить девушку на пороге королевских комнат, фрейлина удивленно воскликнула:

– Мадлен, как ты нашла дорогу?

– Мне помог месье Ортега.

Селеста перевела всё такой же удивлённый взгляд на испанского посла.

– Я не смог пройти мимо растерянной мадемуазель, – улыбнувшись Селесте, пояснил Алехандро.

– Тогда нам следует поблагодарить вас, – с прохладой произнесла Селеста и вновь взглянула на Мадлен. – Королева ожидает тебя в своих покоях. Лучше поторопись.

Мадлен взглянула на Алехандро, не зная, не покажется ли ему оскорблением её поспешное прощание. Но мужчина, понимая её волнение, поспешил успокоить девушку:

– Раз королева ожидает вас, не стоит заставлять её ждать. Я не смею вас более задерживать, мадемуазель. Но буду с нетерпением ждать новой встречи.

Учтиво поклонившись девушкам, Алехандро Ортега удалился прочь. Повернувшись к Селесте, Мадлен поймала на себе её недовольный взгляд.

– Я что-то сделала не так? – спросила девушка.

– Понимаю, двор и его обитатели пока остаются для тебя загадкой, но, прошу, не будь столь наивной и доверчивой. Среди придворных короля очень много охотников за юными девами вроде тебя. Они умело и ловко обводят наивных прелестниц вокруг пальца, а после портят им репутацию, да так, что бедняжкам приходится бежать от позора в монастырь, – серьёзно и взволнованно пояснила Селеста.

– Я об этом не подумала. Месье Ортега показался мне приветливым, галантным.

– Это неудивительно, он дипломат. Слова – его главное оружие. Ладно, оставим этот разговор, тебе пора. – Селеста мягко, но настойчиво подтолкнула Мадлен к двери.

– А ты не пойдёшь со мной?

– Нет, прости. Я передала Луизе слова Екатерины, рассказала о тебе. А теперь мне нужно бежать в Тюильри. В замок прибыла гостья, требующая особого внимания, и мне необходимо быть там.

Сделав несколько шагов в сторону выхода, Селеста обернулась, чтобы убедиться в том, что Мадлен вошла в покои Луизы. Мадемуазель Бланкар провела руками по юбкам платья, оправляя ткань, слегка выпрямила спину, чтобы придать себе уверенности и, сделав глубокий вдох, вошла в комнату королевы.

За деревянными массивными дверями находилась просторная светлая зала, служившая местом приёма гостей. Здесь были аккуратно расставлены мягкие диваны, кресла, обитые дорогими тканями. В высоких вазах стояли, благоухая, пышные букеты весенних цветов. Из залы прочь вела ещё одна дверь на противоположной стене, видимо, закрывающая вход

в спальню королевы. В покоях было шумно. На диванах кучкой сидели молодые фрейлины и весело щебетали, обсуждая кого-то из придворных. Напротив них, грациозно и свободно расположившись в кресле, сидела королева Франции. Луиза, стройная высокая женщина, была несколько старше своих юных спутниц, но ничем не уступала им в красоте, даже наоборот, затмевала ею большую часть своих фрейлин. Роскошное платье цвета крови удачно подчёркивало изящные изгибы королевского тела. По плечам Луизы струились волосы цвета вороньего крыла, голову венчала золотая диадема. Как только за спиной Мадлен закрылись двери, Луиза подняла руку, заставляя фрейлин замолчать. В комнате воцарилась тишина. Уголки губ королевы приподнялись, лицо приобрело заинтересованное выражение.

– Ах, вот она, значит, какая, моя новая фрейлина, – ни на секунду не спуская с девушки лукавого взгляда опытной соблазнительницы, пропела Луиза. – Мадлен Бланкар, верно?

Девушка поклонилась и ответила, слегка растерявшись:

– Да, ваше в... ваше высочество.

Фрейлины, находившиеся неподалеку, зашептались. Кто-то тихо засмеялся, молодая особа, ближе всех сидящая к королеве, скривила лицо, всем своим видом выказывая недовольство и брезгливость. Королева, усмехнувшись, обратилась к девушкам:

– Тише! Я хочу поговорить с нашей гостьей, – чуть подавшись вперед, Луиза вновь устремила на Мадлен горящий взор. – Вы прибыли к нам издалека?

– Из Бургундии, – коротко ответила девушка.

Королева встала, подняла со столика наполненный красным вином бокал и направилась к Мадлен.

– Вы слишком зажаты, мадемуазель Бланкар, вас тяготит наше общество? – хитро улыбаясь, поинтересовалась Луиза.

– Нет, что вы, ни в коем случае, – робея перед королевой, произнесла Мадлен.

Королева протянула девушке бокал.

– Это из лучших виноградников Бордо, попробуйте, Мадлен. Уверена, оно сумеет вас раскрепостить.

Не желая обидеть королеву, девушка приняла бокал из её рук. Но медлила, сомневаясь, стоит ли касаться крепкого напитка.

– Пейте, пейте, – заметив замешательство девушки, подбадривала её королева.

Решившись, Мадлен пригубила терпкое сладковатое вино. Но лишь напиток коснулся её губ, девушка вздрогнула, замерев на месте. Её сознание померкло, королевские покои растворились в пелене внутреннего тумана, сквозь которые проступили неясные, но различимые образы. «Бокал, маскарадная маска, яд, женщина, смерть», – словно в забытии шептала Мадлен. Видение кончилось, позволяя девушке вернуться в реальность. Придя в себя, мадемуазель Бланкар поймала удивлённый взгляд королевы.

– С вами всё хорошо? Нам показалось, вы что-то шептали, но слов было не разобрать, – с искренним любопытством спросила Луиза.

– Нет-нет, всё в порядке. Просто вино оказалось слишком крепким, я не привыкла к этому напитку, – соврала Мадлен, всё еще видя перед глазами мелькнувшую в видении тень смерти.

– Вот оно что, – усмехнулась Луиза. Ответ девушки развеселил королеву. – С юными особами такое случается. Я часто видела, как этот коварный напиток туманит разум дворцовых красавиц. – Королева хитро улыбнулась и пригубила вина из своего бокала. – Мне кажется, вам следует отдохнуть с дороги. У меня ещё будет возможность узнать вас получше. Поэтому сейчас не буду мучить вас лишними расспросами.

– Благодарю вас, ваше высочество, я действительно очень устала и не спала всю прошедшую ночь, – заметила Мадлен.

Луиза обернулась и поманила к себе фрейлину, что сидела с самым недовольным лицом.

– Жизель, будь добра, проводи Мадлен в её покои и вели служанке принести для неё воды, чтобы умыться.

Просьба королевы не понравилась фрейлине, но перечить Луизе она не посмела. Поднявшись со своего места, девушка поклонилась и направилась к выходу. Мадлен последовала за ней.

Как только фрейлины оказались в коридоре, Жизель не смогла сдержать своего негодования.

– Какое неуважение к короне! Как тебя только в Лувр пустили? – стараясь не смотреть на Мадлен, фыркнула девушка.

– Простите, но о чём вы ведёте речь? – искренне не понимая, что сделала не так, поинтересовалась Мадлен.

– И ты ещё спрашиваешь? К королеве и королю следует обращаться ваше величество, это знают все, даже кухарки. А тебе хватило наглости назвать Луизу высочеством, об этом будет говорить весь дворец, сплетни здесь разлетаются по щелчку пальцев. Все будут знать, что в семействе Бланар не уважают королевский род.

– Бланкар, – поправила хамку внучка Нострадамуса. – Моё имя Мадлен Бланкар.

– Ах да, верно. Но знаешь, твою фамилию трудно запомнить. Не припомню, чтобы она звучала в высшем свете. Напомни-ка, кто твои родители?

– Вряд ли ты с ними знакома. Они живут далеко отсюда и давно не посещали столицу, – ощущая нарастающее в душе чувство негодования, произнесла Мадлен.

– Твои родители настолько бедны, что не могут позволить себе путешествие в Париж? – усмехнувшись фыркнула фрейлина. – Неудивительно, что они забыли придворный этикет и не сочли нужным обучить ему тебя.

– Мои родители прекрасные люди. И они учили меня обращать внимание на душу человека, а не на соблюдение им вымышленных кем-то правил этикета, – твердо заявила Мадлен.

– Речи бедняков, – вскинув голову, выплюнула Жизель.

Мадлен уже кипела от злости, желая высказать обидчице всё, что думает о её манерах. Но, помня предостережения Екатерины, держала себя в руках. «Мне нельзя привлекать внимание к своей семье. Если кто-нибудь из любопытства решит посетить Бургундию и отыскать моих родителей, то вместо бедного аристократа, каким в своём письме к Луизе Екатерина назвала моего отца, перед ними предстанет обычный ремесленник», – напомнила себе Мадлен. А Жизель все не унималась.

– Не представляю, как такую, как ты, допустили в королевское общество. Но теперь понимаю, какова твоя цель.

– О какой цели ты говоришь? – спросила Мадлен.

– Ты здесь, чтобы найти себе состоятельного покровителя. Но имей в виду, здесь огромное количество куда более достойных девушек, чем ты. Поэтому максимум, что тебе светит, – стать любовницей королевского садовника, – нагло усмехнулась Жизель.

В душе Мадлен вспыхнул пожар негодования. Ей и прежде случалось сталкиваться с оскорблениями, но отчего-то слова фрейлины сумели задеть её за живое.

Девушка предприняла искреннюю попытку сдержать свои эмоции. Но вдруг вспомнив, что острый язычок – главное оружие придворных дам, решила пустить его в ход.

– Лишь садовника? А что, конюхи и трубочисты уже заняты вами, мадемуазель?

– Да ты хоть знаешь, с кем говоришь, проходимка? – чуть не задохнувшись от возмущения, выпалила Жизель.

– Нет, вы не соизволили представиться, – напомнила Мадлен.

Фрейлина недовольно поджала губы, но разговор продолжила:

– Я старшая фрейлина её величества – Жизель Клермон. Мой отец – маршал Клермон, один из самых уважаемых людей в Париже. Поэтому не советую тебе путаться у меня под

ногами. Помни, ты всего лишь младшая из десятка фрейлин. Даже не пытайся пробить дорогу к сердцу королевы. Для тебя там места нет, – произнесла Жизель и гордо встряхнула головой, демонстрируя свое превосходство.

К счастью, продолжать разговор с фрейлиной Луизы Мадлен не пришлось. Жизель остановилась, указав рукой на одну из дверей.

– Вот, будешь жить здесь. Эти покои освободились пару дней назад. Служанку отыщешь сама, а не сможешь, так приберёшься самостоятельно. Вероятно, в той глубинке, откуда ты родом, про слуг и не слыхивали.

Одарив Мадлен уничижительным взглядом, фрейлина развернулась на каблуках и поспешила вернуться к королеве. Задерживать её мадемуазель Бланкар не стала. Девушка была рада избавиться от общества Жизель. Толкнув дверь, к которой привела её фрейлина, Мадлен вошла в свои покои. Комната не шла в сравнение ни с одним из домов, в которых девушка жила раньше. В большие окна лился солнечный свет, заливая собой каждый угол. Широкая деревянная кровать с балдахином казалась девушке настоящим королевским ложем. Резная мебель, обитая приятными тканями, так и манила прикоснуться к себе. Но, несмотря на всю роскошь этого места, Мадлен чувствовала, что фрейлина королевы привела её в одну из худших комнат дворца. В покоях гулял сквозняк, проникающий сквозь щели в окнах. В вазе у стены стояли засохшие цветы. А портрет печальной дамы, смотревший со стены, казалось, следил за девушкой неживым взглядом. Мадлен прошлась по комнате, осматривая своё новое жилище. «Неужели я действительно собираюсь поселиться здесь? Ещё вчера я бродила в лесах вдоль Жарден Флюрьи, собирая травы на берегу реки, а сегодня стою в покоях Лувра», – думала Мадлен. Мадемуазель Бланкар взглянула на гобелен, украшавший стену. На полотне была изображена сцена пиршества: довольные жизнью придворные весело поднимали в руках кубки с вином. Задержав на них взгляд, девушка вспомнила о видении, посетившем её в покоях королевы. «Я видела лишь отдельные образы: бокал, маскарадную маску, яд, женщину, чьего лица мне было не разобрать, и смерть, идущую за ней. Что бы это значило? – подумала Мадлен и сразу же нашла ответ на свой вопрос: – Кажется, в Лувре готовится покушение на женщину, её хотят отравить. Видение пришло ко мне не просто так, быть может, я могу предотвратить это злодеяние?» Присев на край кровати, девушка прикрыла глаза, стараясь сосредоточиться. «В Лувре сотни женщин, как я пойму, кому из них угрожает опасность? Мне нужно рассказать об этом Селесте. Она знает всё о жизни при дворе, думаю, она сумеет что-то мне подсказать». Из раздумий девушку вывел вкрадчивый шорох за стеной. Мадлен прислушалась. «Мыши? В Лувре? Хотя чему тут удивляться: тепло, сыто. Наверняка даже грызунам по душе такая жизнь». Шорох повторился, но девушку он больше не интересовал. В дверь комнаты постучали, и не успела Мадлен произнести ни слова, как в её покои впорхнула хрупкая девушка с ясными, широко распахнутыми глазами. Её каштановые волосы были аккуратно заправлены под чепец, а над губой темнела милая родинка. Бросив беглый взгляд на незнакомку, мадемуазель Бланкар сразу поняла: это была одна из придворных служанок.

– Доброе утро, мадемуазель! – улыбаясь, быстро затараторила девушка. – А я и не думала, что кто-то так скоро поселится в этой комнате. Ещё не успела привести её в порядок после отъезда госпожи, что жила здесь до вас. Меня зовут Розетта, мадемуазель, я слежу за чистотой в этом крыле замка, – девушка говорила без остановки, при этом порхая по комнате и прибирая ненужные вещи. Подскочив к вазе, Розетта ловко вытащила из неё сухой букет и продолжила разговор: – Вы ведь новая фрейлина её величества? Знаете, о вас уже говорит весь Лувр!

Мадлен удивилась этой новости:

– Весь Лувр? Что же стало тому причиной?

– Ах, мадемуазель, да разве местным сплетникам нужна какая-то причина? Вас видели входящей в замок под руку с месье Ортега, и стражники уже решили, что в Лувр прибыла новая... кхм, – Розетта замолчала, сообразив, что сболтнула лишнего.

– Кто? – с интересом спросила Мадлен.

Виновато вздохнув, служанка ответила:

– Лоретка... Но не принимайте близко к сердцу эти слова. Стражники никогда не стесняются в выражениях. Они лишь с виду выглядят грозно и молчаливо, а на самом деле любят почесать языками больше, чем придворные дамы.

– Но это возмутительно! – с негодованием заметила Мадлен, задетая столь неприятной характеристикой, данной ей местными стражниками.

– Мы к этому привыкли, мадемуазель. Знатные родители часто «дарят» королю своих дочерей. Простому люду такие порядки кажутся странными, вот они и осуждают каждую юную девушку, прибывающую ко двору, – пояснила Розетта.

«Дарят своих дочерей? Как это... унизительно. Но, видимо, в аристократических кругах в этом не видят ничего предосудительного», – подумала Мадлен.

– Вы, наверное, хотите принять ванну с дороги? – спросила служанка, на что девушка дала положительный ответ. И вскоре к ней в покои доставили деревянную кадку и наполнили её горячей водой. Заверив Розетту, что справится с купанием сама, Мадлен вежливо выпроводила служанку из комнаты и с удовольствием погрузилась в воду.

Горячая ванна и последующий отдых пошли девушке на пользу, и к вечеру, когда её навестила Селеста, Мадлен уже чувствовала себя намного бодрее. Вместе с фрейлиной Екатерины в покои Мадлен зашли слуги, принёсшие пару тяжелых сундуков. Когда за ними закрылась дверь, Селеста пояснила:

– Здесь те вещи, что ты захватила с собой из дома, и те, что приобрела для тебя Екатерина.

– Благодарю, – кивнула Мадлен.

– Уже обжилась? Как прошло знакомство с Луизой? – присев на край кровати, поинтересовалась Селеста.

Мадлен задумалась, вновь вспомнив о видении.

– Всё прошло неплохо, но я кое-что видела. У меня было видение, и я уверена, что в Лувре готовится убийство, отравление.

Услышав слова Мадлен, Селеста побледнела.

– У тебя было видение? Кто-то хочет убить короля Генриха? – с ужасом спросила мадемуазель Моро.

– Нет, думаю, жертвой должна стать женщина, – пояснила Мадлен. – Я как раз хотела спросить у тебя, не знаешь ли ты, кому может угрожать опасность?

Селеста задумалась и спустя некоторое время покачала головой:

– Нет, не знаю. На самом деле жертвой может оказаться почти любая обитательница Лувра. Тебе совсем не удалось рассмотреть её лица?

– К сожалению, нет. Видения – вещь неоднозначная. Часто они не показывают мне полную картинку. Лишь отдельные фрагменты и детали.

– Ты можешь еще раз вызвать это видение?

– Нет, я не могу ими управлять... не умею, – с досадой ответила Мадлен.

– Хорошо, давай подумаем, какой женщине при дворе могут желать смерти, – задумалась Селеста.

– Может быть, одной из фрейлин?

– Возможно. Но кому может насолить обычная фрейлина?

– Другой фрейлине, конкурентке.

– Но при дворе такие стычки не редкость. Девушки часто ссорятся друг с другом. И, как правило, во время такой вражды в ход идёт совсем не яд, а обычные сплетни, – объяснила Селеста.

– Тогда, может быть, опасность нависла над служанкой?

– Сомневаюсь. Даже если бы прислуга помешала кому-нибудь, никто не стал бы тратить на неё яд. Как бы жестоко это ни звучало, но от простолюдинов избавляются менее деликатными способами.

– А что насчет королевы? Видение пришло ко мне, когда я приняла бокал из её рук, – задумалась Мадлен.

– Луиза не любит вмешиваться в политику, по крайней мере, пытается заверить в этом окружающих, король Генрих никогда не считается с её мнением. Но, как ни крути, она королева Франции. Её внезапная смерть посеет хаос внутри французского двора и подорвёт авторитет короля. Так что да, думаю, Луиза вполне может стать той жертвой, о которой ты говоришь, – рассудила Селеста и поинтересовалась: – Ты видела хоть что-нибудь, что может указать на убийцу?

Мадлен прикрыла глаза, пытаясь как можно чётче вспомнить свое видение.

– Маска. Там была маска.

– На убийце?

– Нет, я видела лежащую на столе маскарадную маску.

– Тогда не знаю, чем нам это поможет, – огорчилась Селеста.

В дверь постучали, и в покои заглянула Розетта.

– Прошу прощения, мадемуазель, но королева Луиза собирает всех фрейлин в своих покоях. Вам тоже велено явиться.

Мадлен поблагодарила служанку и, распрощавшись с Селестой, отправилась в комнаты её величества.

Когда в покоях Луизы собрались все её фрейлины, к ним из своей спальни вышла королева. Одарив девушек горделивой снисходительной улыбкой, Луиза заговорила:

– Дамы, как вам известно, близится день моих именин. В Лувр уже начинают съезжаться высокопоставленные гости. Я хочу, чтобы каждый из них был очарован своей королевой и ее фрейлинами.

Девушки, составляющие ближайшую свиту Луизы, восторженно закивали. А королева продолжила:

– По этому случаю королевский портной прислал мне на выбор множество великолепных платьев. Предлагаю перейти к примерке.

В покои Луизы трое мальчиков в нарядных камзолах внесли наряды невероятной красоты. Фрейлины с нетерпением бросились изучать дорогую ткань и восхищаться мастерством портного. Мадлен долго не решалась приблизиться к роскошным платьям. Впервые в жизни она видела перед собой гардероб, способный разорить королевскую казну. «За эту роскошь корона наверняка отдала целую кучу золота. Королева не экономит на своих удовольствиях», – заметила Мадлен. В отличие от девушки, фрейлины Луизы с удовольствием примеряли новые наряды. И когда Мадлен наконец осмелилась последовать их примеру, большинство платьев уже было разобрано. Когда мадемуазель Бланкар приблизилась к оставшимся нарядам, у неё за спиной раздался ехидный шепот мадемуазель Клермон:

– Простояла бы в углу еще дольше, разгуливала бы по дворцу в обносках.

«Вот же язва», – вздохнула Мадлен, выбрав из оставшихся нарядов прелестное, на её взгляд, платье.

– Достойный выбор, мадемуазель Бланкар, – лукаво отозвалась королева. – Не удивлюсь, если вскоре вы очаруете в нём какого-нибудь герцога.

Обведя фрейлин требовательным взглядом, Луиза довольно заключила:

– Девушки, вы безупречны. А теперь я хочу, чтобы одна из вас помогла мне примерить мое платье.

Фрейлины замерли, ожидая, когда её величество выберет себе компаньонку.

– Мадлен, не откажете в помощи своей королеве? – с нескрываемым плутовством в голосе спросила Луиза.

Мадлен понимала, что вопрос королевы не предусматривает отказа.

– Конечно, ваше выс... ваше величество, – ответила девушка и с удовольствием заметила, как обращённая к ней просьба королевы заставила лицо Жизель перекосяться от злости. «Видимо, помогать королеве с новым нарядом – задача почетная».

Развернувшись, Луиза плавно проплыла к двери, ведущей в её опочивальню. Мадлен послушно последовала за ней.

Спальня королевы с лёгкостью могла бы посоревноваться в роскоши с любым из залов Лувра. Редкие породы дерева, дорогие ткани и огромная кровать с балдахином делали эту комнату поистине величественной. Луиза остановилась и указала рукой на платье, висевшее на ширме.

– Пьер Фонтен – лучший портной Франции – трудился над ним несколько месяцев, – пояснила Луиза.

Засмотревшись на тончайшую ткань платья, Мадлен не сразу заметила, как королева приблизилась к ней. Почувствовав на себе взгляд её величества, девушка обернулась.

На лице королевы застыла лёгкая улыбка с явной хитрецей. Недолго помолчав, Луиза развернулась к Мадлен спиной.

– Помоги расшнуровать платье.

Девушка без промедления принялась за дело.

– Я совершенно не успела познакомиться с тобой, Мадлен. Из письма Екатерины стало понятно, что она не сомневается в тебе как в будущей фрейлине. Но мне всё-таки хотелось бы узнать о тебе больше.

– Вас интересует моя семья? – уточнила Мадлен.

Луиза игриво усмехнулась.

– Нет, все эти условности мне давно не интересны. Я хочу узнать тебя. Какая ты? О чем мечтаешь? К чему стремишься? Что скрываешь?

Шнуровка наконец ослабла, и королева довольно повела плечами, позволяя платью соскользнуть с тела. Переступив через лежащий на полу наряд, обнажённая Луиза развернулась к девушке. Мадлен опустила глаза в пол, смутившись королевской наготы. «Интересно, королева Луиза каждое знакомство начинает, лишившись одежды?» – подумала Мадлен. Всё это время её величество выжидающе посматривала на юную фрейлину. «Она проверяет меня, нарочно заставляя чувствовать себя неловко, – поняла девушка. – Но заполучить доверие королевы мне сейчас очень важно. Если она хочет, чтобы я раскрылась перед ней, попробую сделать шаг навстречу». Мадлен, поборов своё смущение, подняла глаза на Луизу и заговорила:

– Мне нечего рассказать вам о своём прошлом, ваше величество. И не знаю, могу ли я чем-то удивить вас. Могу сказать лишь одно: перед вами стоит девушка, которая всё ещё наивно верит в настоящих героев, готовых рисковать жизнью ради любви и справедливости. Но уже понимает, что добро не всегда побеждает зло. А миром часто правят лжецы под маской праведников.

Слушая Мадлен, королева ни на секунду не отводила от неё заинтересованного взгляда. Когда фрейлина замолчала, Луиза произнесла:

– Не знаю, какой была твоя жизнь раньше, но ты явно успела увидеть её темные стороны. Мне бы хотелось сказать, что при дворе все будет иначе. Но это не так. Возможно, именно здесь тебя ждут самые большие испытания.

Последнюю фразу Луиза произнесла с особым сожалением, которое давно научилась скрывать от окружающих. Но грустные мысли ненадолго задержались в голове у королевы. Качнув головой, Луиза вдруг спросила:

– Скажи, Екатерина ведь не просто так отправила тебя ко мне, верно? Она никогда ничего не делает просто так.

Сердце Мадлен на мгновение пропустило удар, девушка замерла, испугавшись. «Неужели Луиза обо всем догадалась? Но как? Чем я успела выдать себя?»

Увидев на лице фрейлины замешательство, королева рассмеялась.

– Екатерина наверняка хочет, чтобы ты нашла при дворе достойную партию для замужества.

Внучка Нострадамуса облегченно улыbnулась. «Так вот она о чём...»

– Уже кого-нибудь приметила? – поинтересовалась королева.

Мадлен отрицательно покачала головой.

– Нет, ваше величество, я в Париже всего день.

– Порой и этого достаточно. Некоторые особы едут сюда, уже зная наизусть имена всех герцогов. А ты показалась мне девушкой наблюдательной и к тому же весьма привлекательной. Думаю, ты уже успела поймать на себе чей-нибудь взгляд. Я могу по секрету рассказать что-то стоящее почти о каждом обитателе замка. Ну, смелее. Назови любое имя.

Мадлен всерьёз задумалась. «Я совершенно не знаю французский двор. Если Луиза это поймет, может что-нибудь заподозрить. Вряд ли дочери виконта, пусть и обедневшего, не известно ни об одном из обитателей Лувра». Начиная нервничать, девушка выпалила первое имя, что пришло ей в голову.

– По пути в Париж я успела познакомиться с месье Триалем.

– О, Фабьен – верный и доблестный воин, – многозначительно кивнув, заговорила Луиза. – Входит в личную гвардию моего супруга, всегда собран и, не задумываясь, готов отдать жизнь за короля. Молод, хорош собой. Производит впечатление человека сдержанного, сухого. Однако в его венах, я уверена, кипит горячая кровь, иногда даже слишком. Мужчины в его семье всегда были воинами короны, и это оставило свой неизгладимый след. Такие, как он, часто жаждут отыскать поле битвы даже в мирное время. Я не пожелаю бы видеть его своим врагом. К счастью, Фабьен бесконечно предан королю и короне. Но порой эта преданность страшит даже меня. Если вдруг он окажется перед выбором: долг или любовь, боюсь, он выберет первое. Но, впрочем, это лишь моё мнение.

Луиза замолчала, вдруг в её взгляде появилась лисья хитрость.

– Ты заинтересовалась им?

– Нет, я бы не сказала. Мне довелось всего раз перекинуться с месье Триалем парой фраз, – пояснила Мадлен.

– Я спрашиваю не из праздного любопытства, – продолжила Луиза. – Ты прибыла в Лувр в сопровождении мадемуазель Моро. Я могу ошибаться, но что-то мне подсказывает, что фрейлина Екатерины равнодушна к неприступному месье Триалю. Имей в виду, твой интерес к королевскому гвардейцу может ранить нашу милую Селесту. Правда... – Луиза усмехнулась, – я всё ещё не уверена, что юная мадемуазель Моро настолько хрупка и ранима, какой стремится предстать перед обществом. По непонятной мне причине, Екатерина доверяет ей больше, чем остальным фрейлинам в Тюильри. Порой мне кажется, что в руках Селесты столько королевских секретов, что при желании она могла бы сильно подпортить репутацию короны. К счастью, мадемуазель Моро не похожа на предателя. По крайней мере, ничто в ней не выдаёт подобного стремления. Однако, прежде чем поворачиваться к ней спиной, обождите. Селеста – девушка приятная, стоит помнить, что во Франции нет ни одной аристократической семьи, в которой не было бы своих скелетов.

Слова Луизы заставили Мадлен задуматься. «Я ведь действительно ничего не знаю ни о Селесте, ни о ком-либо при дворе. Мне нужно стать осторожной и менее доверчивой», – решила девушка.

А Луиза всё ждала от неё новых имен.

– Ну же, Мадлен, я не верю, что ты не желаешь спросить меня о ком-нибудь ещё. Не робей, скажи, кто он.

У Мадлен в запасе осталось всего одно имя.

– Сегодня утром мне довелось познакомиться с месье Ортега, – вспомнив о сплетнях, переданных Розеттой, Мадлен отчего-то покраснела.

Услышав имя испанского посла, Луиза дернула бровью, девушке показалось, что всего на мгновение взгляд королевы стал жёстче.

– Так значит, тебя интересует Алехандро, – непривычно серьёзным голосом заговорила Луиза. – Он человек умный, хитрый, скрытный, хоть и предстает в обществе под маской ложного добродушия. Месье Ортега бесконечно мил и обходителен, льёт в уши сладкие речи, которые способны затуманить разум. Но не смей принимать их на веру. Слова дипломата – это оружие, которое он без зазрения совести ежедневно пускает в ход. Он шпион в стане врага. Думаю, ты знаешь, что нынешний мир между Францией и Испанией весьма хрупок. В любой момент может разразиться новый конфликт. В таком случае Алехандро, как того требует его испанская честь, станет нашим противником. Пользуясь своим природным обаянием, он плетет, затягивает в свои сети, чтобы выведать нужные ему тайны. Об этом знают почти все, но, попадая под очарование месье Ортега, часто забывают об этом.

Прищуренный пронзительный взгляд королевы, словно пытавшейся влезть девушке в душу, тяготил Мадлен, и фрейлина решила сбросить с себя этот груз.

– Благодарю, ваше величество, вы дали мне ценную информацию. Надеюсь, вскоре я научусь также хорошо разбираться в людях, как вы.

Луиза усмехнулась.

– Прежде тебе придётся сотни раз обжечься. К сожалению, эта способность приходит вместе с горьким опытом. А теперь, будь добра, подай платье.

Под пристальным взглядом королевы Мадлен сняла с ширмы тяжелое платье. Луиза молча наблюдала за каждым неловким движением девушки. «Сколько же здесь складок, юбок, шнурков», – боясь запутаться в роскошных тканях, сетовала фрейлина.

Мадлен не имела ни малейшего представления о том, как следует одевать королеву.

«Нужно ли мне всё делать самой или лучше просто подать ей платье?» – мысленно спрашивала девушка. Будто считав все сомнения юной фрейлины, Луиза снисходительно пояснила:

– Помоги мне закрепить юбки.

Королева вступила в середину пышных тканей. Мадлен собрала многочисленные юбки и приподняла их, затем потянула за шнурки и затянула корсет. Когда всё было готово, Луиза внимательно осмотрела платье и провела руками по пышным юбкам, оправляя их. Стоя за спиной королевы, девушка не спускала восхищённых глаз с нового наряда её величества. «В таком платье любая крестьянка выглядела бы королевой, – подумала Мадлен, но после засомневалась. – Нет, всё-таки к такому наряду нужна эта особая королевская статья. Без неё платье останется всего лишь огромным куском дорогой ткани». Луиза ещё несколько минут с особой тщательностью рассматривала себя в новом наряде. Оставшись довольной результатом, королева вместе с Мадлен вышла к остальным фрейлинам. Вечер продолжился светскими беседами, обсуждением предстоящих королевских именин и гостей, что съедутся на праздник. Всё это время мадемуазель Бланкар почти не участвовала в общей беседе, зато слушала и наблюдала, стараясь как можно больше узнать о жизни в Лувре.

Глава 4. Тайны ночного сада

*Celui qui sait beaucoup dort peu.
Меньше знаешь – лучше спишь.*

Когда фрейлины покинули покои королевы и разошлись по своим комнатам, часовая стрелка уже приближалась к полуночи. Мадлен была рада тому, что этот бесконечно долгий день наконец подходил к концу. Новая комната встретила девушку недружелюбно. Стоило фрейлине открыть дверь, как из темноты повеяло холодом. «Сквозняки», – вспомнила Мадлен. Прежде чем войти в тёмные покои, мадемуазель Бланкар задержалась на пороге. Какое-то странное дурное предчувствие мешало ей шагнуть в комнату. Девушка напрягла зрение и вгляделась во мрак. От ветра тихо покачивались пологи балдахина, подёргивались у окна шторы. Но внимание фрейлины было приковано не к ним. На дальней стене девушка отчётливо видела длинную серую тень, своими очертаниями напоминавшую человеческую фигуру. Не шевелясь, она безмолвно покоилась в углу. Мадлен ощутила тревогу, холодной ладонью сжавшую сердце. «Что её отбрасывает?» – боясь выпустить тень из поля зрения, думала девушка. И в тот момент, когда фрейлине почти удалось найти объяснение появлению этой жуткой тени, она вдруг дёрнулась и заскользила по стене.

– Ах! – перепугавшись, Мадлен резко дёрнула на себя ручку и захлопнула дверь, оставшись стоять в коридоре Лувра. На шум из-за угла выглянул королевский гвардеец, нёсший караул в этом крыле.

– Что-то случилось, мадемуазель? – сухо уточнил он.

– Мне показалось, что в моей комнате кто-то есть, – честно призналась Мадлен.

– Мне следует проверить ваши покои? – уточнил гвардеец.

Мадлен кивнула.

С явным неудовольствием гвардеец оставил свой пост и, приблизившись к комнате фрейлины, распахнул дверь. Оглядевшись, он вошёл внутрь, медленно прошагал до самых окон, заглянул под кровать и в шкаф, а затем вернулся в коридор.

– Ваши покои совершенно пусты. Вам нечего опасаться, мадемуазель, – сообщил гвардеец, всем своим видом показывая, что был потревожен без веской причины.

– Благодарю, месье, – улыбнувшись, ответила фрейлина.

Её улыбка не растопила сердце стражника и, одарив девушку укоризненным взглядом, он вернулся на пост.

«Что же, топтаться в коридоре больше нельзя», – решила Мадлен и смело шагнула в собственные покои. Отыскав на столе свечу, девушка поспешила зажечь её. Мрак понемногу рассеивался, успокаивая фрейлину, и ничто в комнате больше не пугало девушку, разве что холодный, наполненный горечью взгляд печальной дамы, взиравшей на фрейлину с портрета.

За стеной вновь раздался тихий шорох. «Мыши, просто мыши», – напомнила себе Мадлен. Но, словно споря с девушкой, шорох перерос в негромкий, но противный скрежет. Фрейлина обернулась к одной из стен. «А вот это на мышей уже не похоже», – чувствуя, как в груди вновь рождается страх, подумала Мадлен. Скрежет повторился, но уже на другом конце стены. Прислушиваясь, девушка на цыпочках прошла по комнате. Старинные гобелены, картины висели ровно. Мадлен приложила ухо к стене. «Кажется, звук доносится оттуда». На некоторое время в комнате воцарилась тишина, которую внезапно нарушил протяжный скрип половицы. Сердце девушки ёкнуло, и она, обернувшись, вжалась спиной в стену.

– Кто здесь? – едва живая от ужаса, спросила фрейлина. Но ответа не последовало.

Однако за стеной, той самой, на которую опиралась девушка, слышались тихие постукивания. Казалось, кто-то барабанит по камню костяшками пальцев, настукивая неизвестную мелодию. Мадлен прислушивалась, боясь пошевелиться. Звук становился всё громче и ближе. И вновь этот противный скрежет, ровно за тем местом, где находилась голова девушки. Дыхание замерло. Участился пульс. С громким воем в комнату ворвался сильный порыв ветра, распахнув закрытое окно и задув единственную свечу. Вновь оказавшись во мраке, Мадлен подскочила на месте и, придя в себя, бросилась на поиски света. Как только свеча вновь загорелась, фрейлина осветила покои, взглядывая в каждый темный угол. В комнате было пусто и тихо.

Чтобы успокоить разыгравшееся воображение, девушка подошла к окну и пошире распахнула его. Ветер, вновь ворвавшийся в комнату, принёс с собой тонкий аромат весенних цветов. «Окна моей комнаты выходят на королевский сад. Что может быть лучше?» – порадовалась Мадлен, выглядывая в окно. Над садом висела бледная луна, а вокруг неё, словно светлячки, кружили звёзды, и девушка вспомнила, как несколько лет назад старательно изучала астрономию по старым книгам. Оторвавшись от созерцания звёздного неба, Мадлен наконец забралась в свою новую постель. Девушка откинулась на мягкие подушки и с разочарованием поняла, что совершенно не хочет спать. Пытаясь скоротать время, она вспомнила о дневнике деда, переданном ей Екатериной. Мадлен взяла в руки небольшую книжицу, по чьей-то воле лишившуюся страниц, и провела ладонью по старой потёртой обложке. «Может, здесь есть какие-нибудь скрытые символы или заметки?» – думала фрейлина. Она крутила книгу снова и снова, но ничего необычного отыскать не могла. Открыв дневник, девушка ещё раз коснулась рукой корешка с короткими обрывками листов. Ничего. Провела рукой по переднему форзацу и вдруг остановилась. «Передний форзац толще заднего. Любопытно, почему?» – удивилась девушка. Отыскав в своих вещах нож для вскрытия писем, она аккуратно подцепила им плотную бумагу. Из образовавшегося проема выпало письмо.

Раскрыв его, Мадлен увидела ровные строчки уже знакомого почерка. «Письмо от дедушки», – поняла фрейлина. От этой внезапной находки сердце девушки забилось чаще. В предвкушении она дрожащими руками взялась за письмо и погрузилась в чтение.

Моё дорогое дитя,
Ты ещё не появилась на свет, но мне уже приоткрылась твоя судьба.
Если ты читаешь эти строки, значит, пробил час, и ты вступила в опасную игру.

Теперь ты вовлечена в события, которые в скором времени всколыхнут спокойную жизнь Франции.

Но, к сожалению, политические интриги, заговоры и предательства – лишь малая часть того, что приготовила для тебя судьба.

Грозная сила, стоящая на крови сотен невинных душ, обратила на тебя свой взор.

И в том моя, и только моя, вина.

Когда-то давно я совершил ошибку, которая, спустя годы может стоять тебе жизни.

К сожалению, исправить её я уже не в силах.

Чтобы хоть как-то помочь тебе избежать печальной участи, я написал этот дневник.

В нём я подробно изложил каждый момент своей жизни, способный дать ответы на твои вопросы.

Чтобы мои записи не попали в чужие руки, я вырвал все страницы и предал их огню.

Теперь те, кто видит лишь глазами, никогда не раскроют моих тайн.

У тебя же, дитя, есть нечто, что поможет проникнуть в моё прошлое и узнать, как началась эта история.

Но то, как она закончится, будет зависеть лишь от тебя.

Помни, дитя, прошлого не изменить, но будущее мы куём своими руками.

Береги себя, моя дорогая.

Твой дедушка, Мишель Нострадамус.

Мадлен перечитывала письмо снова и снова, не зная, что сильнее растревожило её душу: содержание или сама весточка от того, кого она никогда не знала, но с кем была повязана прочной незримой нитью. С огромным трудом фрейлине удалось уговорить себя отложить пергамент и оторвать взгляд от уже заученных наизусть строчек. «Дедушка знал о моём рождении и о том, что мне суждено унаследовать его дар. Но о каких ошибках и опасностях он говорит? – размышляла Мадлен. – Интересно, как я прочитаю дневник «не используя глаз»? Нострадамус говорил о моём... О нашем даре?» Ненадолго задумавшись, девушка сжала в руках дневник деда и закрыла глаза. Прошла минута, затем две. Видение не приходило. «Что ж, значит, ещё не время», – решила Мадлен. Спрятав дневник в сундук со своими вещами, девушка вновь попыталась заснуть. На этот раз сон не заставил себя долго ждать. Погрузившись во власть Морфея, Мадлен уже не слышала тяжёлое дыхание, доносившееся из-за стены. Не видела, как всколыхнулся на стене гобелен, приоткрывая незаметную щель между каменной кладкой. Не подозревала, что чья-то рука скользила по шершавой стене, ногтями неприятно скребя по перегородке, отделявшей покои юной девушки от тайного убежища.

Половицы издали громкий скрип, когда был сделан новый шаг. Сквозь отверстие в стене удавалось рассмотреть всю комнату. Но ЕГО не интересовало ничего, кроме спящей в кровати фрейлины. Немигающий водянистый взгляд был прикован к новой хозяйке этой комнаты. ЕГО лицо исказила неестественная гримаса: полуулыбка, полуболь. Минуты шли, он смотрел. Замерев. Не шевелясь. Не моргая. Не издавая более ни единого звука. Смотрел... смотрел... смотрел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.